

№ 22.

1903

ОКТАБРЬ

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪНИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковь но приходскихъ школъ.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

слава Богу!

Истекаетъ второй годъ изданія **БОЖІЕЙ НИВЫ** и число школъ, получающихъ ее въ этомъ году, увеличилось болѣе, чѣмъ на тысячу, противъ прошлаго года. Съ утѣшеніемъ видимъ, что по мѣрѣ ознакомленія съ нашимъ изданіемъ растетъ и число его читателей. А это даетъ намъ увѣренность, что наши труды не бесплодны, что труженики народныхъ школъ находятъ въ нашемъ журналѣ, хотя въ малой нѣкоей мѣрѣ, то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время всяческихъ шатаній и тлетворныхъ вѣяній не только въ области педагогики, но и вообще въ религиозной жизни современнаго общества. Отъ души благодаримъ

всѣхъ, кто съ любовью откликается на наше печатное слово присылкою своихъ дневниковъ, писемъ, замѣтокъ... Теплое, безыскусственное слово сочувствія и ободренія и намъ такъ же дорого, какъ и тѣмъ, кому мы служимъ своимъ изданіемъ. А этихъ теплыхъ, сердечныхъ писемъ мы получаемъ не мало. Изъ нихъ мы видимъ какъ дорого цѣнятъ православные русскіе люди все, что исходитъ отъ обители великаго печальника Русской земли, хотя бы это было и несовершенно и не вполнѣ отвѣчало ихъ ожиданіямъ.

Въ надеждѣ на Божию помощь и молитвы угодника Божія преподобнаго Сергія, мы будемъ продолжать свое посильное служеніе святому дѣлу воспитанія дѣтскаго сердца въ духѣ святой нашей Церкви и въ будущемъ 1904 году. По принятому порядку мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія. Цѣна остается таже—1 р. въ годъ съ пересылкою.

Имѣя въ виду, что печатаніе адресовъ съ разными почтовыми формальностями замедляетъ въ началѣ года разсылку журнала, Редакція покорнѣйше проситъ высылать деньги заблаговременно. *Наложнымъ платежомъ журналъ не высылается.*

Подписка на текущей годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 13-го, за 1 р. Первый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12 1902 года) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для выписки въ библиотеки церковныхъ школъ.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ

РУССКАЯ ШКОЛА ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ИНОЗЕМНАГО ВЛІЯНІЯ.

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взглядъ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ ея смиренной...

Тютчевъ о Русской землѣ.

Аа, гордый взглядъ иноплеменный не можетъ понять и оцѣнить всѣхъ особенностей духовной природы истинно православно-русскаго человѣка. И однако нѣтъ, кажется,

на необъятномъ пространствѣ нашего отечества ни одного мѣстечка, ни одного поселка съ иностранными гостями, гдѣ-бы послѣдніе, къ великому общенародному горю, не дѣлали попытокъ

влести обрывки своего міровоззрѣнія въ стройную систему православно-хрістіанскихъ вѣрованій, гдѣ-бы они не пытались сгладить нажитыя вѣками національныя особенности русскаго человѣка. И въ то время, когда злые враги существующаго государственнаго строя и старорусскаго склада жизни всѣми силами стараются расшатать прежніе устои, съ которыми сжились истинные граждане Русской земли—въ это время не забываютъ своихъ интересовъ и наши иноплеменные гости. Въ своихъ уголкахъ и они дѣлаютъ свое дѣло, стирая мало по малу всѣ симпатичныя черты православно-русскаго хрістіанина, и дѣлаютъ это или просто во имя племенной розни, или-же во имя понятнаго желанія подчинить своему вліянію своихъ русскихъ сосѣдей. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ на сѣверѣ, въ преѣлахъ Финляндіи, вся дѣятельность такъ называемыхъ передовыхъ людей и школъ направлена къ борьбѣ съ русскою народностію... На западѣ Россіи поборники національной самобытности русскаго человѣка то-же жалуются на открытое стремленіе враговъ православія искоренить въ простомъ народѣ православно-русскій обликъ. Не смолкаютъ эти жалобы и въ другихъ уголкахъ Россіи: и на востокѣ, и на югѣ, и въ средней Руси, и въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ особенно много нѣмцевъ - колонистовъ. Такъ вотъ, напримѣръ, одна изъ скорбныхъ страничекъ дневника, присланнаго недавно въ редакцію *Божіей Нивы* добрымъ ревнителемъ народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви ¹⁾. „Вездѣ есть враги церковной школы, но, кажется, ихъ нигдѣ столько нѣтъ

и нигдѣ они такъ не сплотились на борьбу съ нею, какъ въ нашемъ и вообще западномъ и сѣверо-западномъ краѣ. Всѣ здѣсь противъ церковной школы, начиная, конечно, съ духовенства католическаго, которое свято исполняетъ завѣты Звѣровича. Помѣщики и вообще болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, лица вліятельныя, а также и должностныя лица изъ крестьянъ—почти всѣ католики, поляки или латыши; всѣмъ имъ внушена и внушается ненависть и вражда ко всему русскому, православному. Не больно-ли въ самомъ дѣлѣ слышать, когда самое слово „русскій“ (синонимъ „православный“) стало у насъ ругательнымъ словомъ, употребляемымъ тогда, когда самыя отборныя ругательныя слова кажутся недостаточными для выраженія презрѣнія и ненависти? Малымъ дѣтямъ, въ смѣшанныхъ деревняхъ и тѣмъ проходу нѣтъ: на каждомъ шагу имъ напоминаютъ, что они русскіе и, какъ такіе, достойны всякаго презрѣнія и ненависти, какъ будто-бы они, бѣдныя, совершили какой гадкій поступокъ... Чего-же лучше, когда самъ представитель католичества, дѣлая отзывъ объ одномъ раненомъ человѣкѣ, и желая характеризовать его съ хорошей стороны, произнесъ однажды слѣдующее: „не бѣда, что раненый былъ русскій, но онъ все-таки былъ хорошій человѣкъ“. Выводъ изъ этой фразы, сказанной, кстати, нѣсколько разъ съ особымъ оттѣнкомъ голоса, довольно ясный, особенно когда фраза эта сказана ксендзомъ... Но вотъ, благодареніе Богу, у насъ возникла церковная школа, притомъ женская, какъ болѣе всего нужная здѣсь, гдѣ женщина поработана фанатизмомъ ксендзовъ. Три года уже просуществовала наша женская школа и плодотворная

¹⁾ Священника Витебской губ. Люцинскаго уѣзда, Эржепольской церкви Кирилла Зайца.

дѣятельность ея проявилась уже хоть въ томъ, что заплѣлъ въ церкви хоръ изъ дѣтей самихъ же прихожанъ. Однако, сколько трудовъ было потрачено, пока удалось привлечь дѣвочекъ въ новую школу, сколько на смѣшекъ приходилось слышать со всѣхъ сторонъ, пока строилась она: „это выдумка священника; да никто и посылать дѣвочекъ въ школу не будетъ — на что имъ школа?“ И въ самомъ дѣлѣ школа явилась новинкою: нѣтъ во всемъ приходѣ ни одной грамотной женщины; приходилось и просить, и заставлятъ, и угрожать, и чуть ли не силою приводить дѣвочекъ въ школу. Ни матеріальной помощи, помимо начальства, ни нравственной поддержки, ни сочувствія отъ окрестныхъ людей, могущихъ оказать помощь! Вотъ тутъ-то и приходили моменты, когда руки опускались... Прошлый годъ былъ тяжелый годъ, голодный годъ; школа осталась бы пустою, если бы не удалось изыскать кое-какихъ средствъ на прокормленіе дѣвочекъ. Угрожающе стоитъ впереди и нынѣшній учебный годъ. Годъ опять неурожайный, опять приходится опасаться—какъ собрать дѣвочекъ и какъ удержать ихъ въ школѣ. Во что-бы-то ни стало надо изыскать средства на прокормленіе хотя бы дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, которыхъ, впрочемъ, большинство; дѣвочекъ предполагается въ школѣ не менѣе 50 человекъ. Куда обратиться, къ кому воззвать о помощи? ¹⁾ Школа у насъ—основа прихода, разсадникъ русскихъ началъ,—ею надо дорожить“.

Да, дѣйствительно обидное отношеніе къ православію и русской народности, дѣйствительно, горькое положеніе бѣдной народной школы и ея тружени-

ковъ, когда нѣтъ кругомъ ни искры сочувствія, ни нравственной поддержки въ великомъ воспитательномъ дѣлѣ!..

Впрочемъ, еще не удивительно такое враждебное отношеніе къ православію на западѣ, гдѣ, кажется, свиль себѣ прочное гнѣздо католической фанатизмъ, гдѣ различными иноплемениками издавна ведется борьба съ православно-Русскимъ народомъ. Но вѣдь съ такимъ-же посягательствомъ на національную самобытность Русскаго народа, съ такимъ-же враждебнымъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія юношества въ духѣ заветовъ нашей Церкви мы встрѣчаемся, можно сказать, и въ центрахъ Руси. Для иллюстраціи сказаннаго мы позволяемъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ одной статейки, помѣщенной въ Самарск. Епарх. Вѣдомостяхъ ¹⁾.

„Межъ высокихъ холмовъ, — описываетъ авторъ-священникъ привольное житіе нѣмцевъ-колонистовъ, — затерялась бѣдная деревенька О—а. Одинъ конецъ ея сползъ на низину, а другой вбѣжалъ на пригорокъ и съ завистью поглядываетъ чрезъ небольшую рѣчку на сосѣдніе нѣмецкіе поселки. Широко, привольно расположились они... Изъ избы Прохорыча, сравнительно зажиточнаго крестьянина на деревни О—а, колонія какъ на ладонкѣ. Сидимъ и, поглядывая въ окно, бесѣдуемъ.

— Славно, вѣдь, Прохорычъ живутъ нѣмцы.

— Еще-бы, батюшка, приволье! Не то что мы... Куда и народъ дошлый... Ученье! всему дѣлу ученье.

— Вотъ видишь, самъ договорился, что ученье свѣтъ, а прошлый разъ толковали, толковали на счетъ школы, такъ ни на чемъ и не порѣшили.

¹⁾ Отъ редакціи „Б. Нивы“ послано 25 р.

¹⁾ 1903 г. № 8-й. „Несчастные“.

— Училищу нужно. Это вѣрно. Да бѣдность. Прямо сказать—нищета. На училище нужно тысячу цѣлковыхъ, а у насъ со двора на дворъ хлѣбъ купленный.

— Да и то, надо сказать, развѣ у кого одеженка плоха, а то ребята и къ нѣмцамъ сбѣгаютъ, вставилъ свое замѣчаніе Петръ, мужчина среднихъ лѣтъ, бывший унтеръ, племянникъ хозяина.

— Ну, не хвали, кумъ, нѣмецкую-то школу, вмѣшалась хозяйка. Намедни смотрю въ сумку Петьки, а у него тамъ колбаса. Это въ постъ-то...

— Ну это не примѣръ. Онъ у васъ вольный, а вонъ мой ни-вжисть не станеть.

— Вреть, и онъ жреть, не утерпѣлъ Петька. Мы всѣ на козны мѣняемъ колбасу и ѣдимъ.

Сконфуженный Петръ замолчалъ. Хозяева принялись угощать насъ чаемъ. Петька торжествующій забрался на полати и, не спуская глазъ, наблюдалъ за нашимъ аппетитомъ.

— Что правда, то правда, немного помолчавъ, заговорилъ хозяинъ, все уже не русскій этотъ Карлъ Карлычъ. Кто у него былъ на душѣ? Нѣмецъ онъ и нѣмецъ. Лѣтось, послѣ молебствія, стоимъ мы со сватомъ Василюмъ, смотримъ на небо,—не видать ли гдѣ тучечки. Подвернулся Колька Васухинъ и говорить: „чево смотрите, съ роду у насъ дождя не будетъ, потому у насъ горы и лѣсу нѣтъ“. И пошелъ и пошелъ ровно по книгѣ,—отчего тучки, куда онѣ идутъ, громъ откуда.

— А отколь ты, клопъ, знаешь это?

— Карлъ Карлычъ говорилъ.

— Ну что-же по твоему и молиться не нужно?

— Молись не молись, а если лектричества не будетъ, то и дождя не будетъ.

Петръ еще болѣе сконфуженный соплѣлъ и что-то, видимо, собирался сказать. Поспѣшно онъ допилъ стаканъ, опрокинулъ его, положилъ кусочекъ на донышко опрокинутаго стакана, кашлянулъ и началъ:

— Ну на счетъ тучъ дѣло вѣстимо, а про посты-то и то надо сказать, кто нынѣ ихъ держитъ. Вотъ и земскій, и дохтуръ всѣ ѣдятъ. Слабость наша, Это не Карлъ Карлычъ, а мать съ отцемъ смотри.

— Да ты гдѣ его усмотришь,—онъ на цѣлый день убѣжить. Нынче колбаса, завтра колбаса, онъ и привыкъ. А тамъ вольку-то возьметъ и пропаль. Нѣтъ, пока еще поперекъ лавочки лежить, учи, а какъ вдоль ляжетъ,—ужь поздно.

— Вотъ намедни батюшка, дай ему Богъ здоровья, спрашиваетъ Петьку, когда у васъ бываетъ молитва, а онъ ему: „мы опричь „Закона“, (т. е. уроковъ по Закону Божию) никогда не молимся“. Вотъ-те и разъ! Книжка подъ носомъ, а они и лобъ не перекрестятъ, а тоже вѣдь Евангеліе читаютъ. Вотъ ты и поди. Нѣтъ, какъ-бы былъ русскій учитель, не то - бы было.

Петръ, стѣсняясь моимъ присутствіемъ, молчалъ. Желая замять неприятный для него разговоръ, онъ началъ рассказывать, „какъ бывало у нихъ на службѣ“. Стало смеркаться. Мнѣ подали лошадь. Я распростился съ хозяевами и уѣхалъ.

Сидя въ тарантасѣ, я сотый разъ перебиралъ въ мысляхъ весь матеріалъ о нѣмецкомъ вліяніи въ этой несчастной деревушкѣ. На этотъ разъ новенькаго я ничего не узналъ. Особенно грустно, что у дѣтей не приобрѣтается навыка къ молитвѣ. Не кладется даже крестнаго знаменія, столь драгоценнаго для православ-

ныхъ. Нѣтъ св. иконъ въ школѣ. Можно ли придумать хуже обстановку для воспитанія ребенка? Несчастныя дѣти! Въ непогоду бѣгутъ они громадной толпой (около 50 человекъ) за двѣ версты въ сосѣднюю колонію. Бѣгутъ, чтобы научиться грамотѣ. „Ученье свѣтъ“, твердятъ они. Бѣдныя, просвѣтитъ-ли, согрѣетъ-ли васъ этотъ свѣтъ! Пролетѣтъ-ли „миръ и радость“ онъ въ души ваши?.. Я не вижу васъ въ церкви, мало васъ было и за молебствіями о бездождіи.

Тяжело на сердцѣ. Что дѣлать? Ежедневно посѣщать школу. А село, а деревни, а школы, а расколъ и проч. И еще темнѣе, мрачнѣе на душѣ. И нѣтъ просвѣта! Тьма, гнетущая тьма. Что дѣлать?!

— Батюшка, а батюшка, слышу голосъ съ козель, чево я у тебя спрошу:—дай мнѣ книжечку, которую намедни читаль за вечерней. А то Мишутка все сказки носитъ изъ училища.

Обѣщаюсь. И чтобы развязаться съ хмурыми думами, начинаю разспрашивать про Мишу.

— Слава Богу парнишка дотошный. Сидимъ, это, за столомъ. Я солю ломоть, а онъ мнѣ: „тятка, а знаешь, какъ соль-то эту добываютъ?“ И началъ, и началъ. Намъ инда стыдно стало, что мы до старости этого не смыслимъ. Спаси его, Господи! это все ихъ Карлъ Карлычъ наставляетъ... Первѣющій онъ человекъ!

Первѣющій человекъ! Въ простотѣ своей, Николай не допускаетъ, что этотъ „первѣющій человекъ“, сообщая свѣдѣнія по міровѣдѣнію и естествознанію, можетъ привить его любимому сыну и долю протестантскаго яда.

Вотъ гдѣ серьезная опасность, если обученіе К. К.—ча не будетъ восполняться такимъ же ревностнымъ рели-

гіознымъ обученіемъ. Здѣсь не сомнѣваются въ доброкачественности этого Карла, здѣсь забываютъ, что онъ „все-таки нѣмецъ“.

Мысли какъ нельзя болѣе гармонировали съ наступившими сумерками.

А когда пріѣхалъ домой, то и на душѣ и въ природѣ стояла темная ночь“...

Здѣсь дана яркая и живая литературная характеристика грустнаго факта вліянія нѣмцевъ-колонистовъ на міровоззрѣніе деревенскихъ подростковъ. А нѣсколько времени спустя въ тѣхъ-же Самарскихъ Вѣдомостяхъ ¹⁾ появилась другая статья, посвященная выясненію того-же самаго вопроса, т. е. вопроса о вліяніи нѣмцевъ колонистовъ и ихъ школъ на міровоззрѣніе дѣтей православно-русскихъ поселянъ. Правда, здѣсь авторъ пытается нѣсколько смягчить наиболѣе яркіе штрихи только что приведеннаго нами разсказа о „несчастныхъ“. Но и онъ не замалчиваетъ нѣкоторыхъ неприглядныхъ сторонъ въ системѣ нѣмецкаго воспитанія русскихъ дѣтей. Выразивъ въ началѣ своей статьи недоумѣніе по поводу того, что земство и оо. настоятели не озаботятся открыть школу для православно-русскихъ дѣтей (да, дѣйствительно грустное явленіе!) въ бѣдной деревнѣ Супоневѣ почти исключительно съ православнымъ населеніемъ въ 311 душъ мужскаго пола и 334 женскаго, тогда какъ въ двухъ сосѣднихъ нѣмецкихъ поселкахъ *Рейнсфельдъ* и *Фюрстинштейнъ* то-же земство открыло 3 школы для лютеранъ и католиковъ, авторъ описываетъ условія школьнаго воспитанія, въ какія попадаютъ дѣти православной деревни Супоневой, въ силу необходимости

¹⁾ Самарскія Епархіальныя Вѣдомости, № 15, „Четыре года законоучительства въ нѣмецкой школѣ“.

занимающія свободныя мѣста въ Рейнсфельдской и Фюрстинштейнской школахъ съ лютеранскимъ и католическимъ элементомъ. Такъ, прежде всего, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что православному священнику для уроковъ Закона Божія отводятся самыя послѣдніе часы отъ 2-хъ до 3³/₄ часа, когда уже значительно поутомлено вниманіе школьниковъ. Не можетъ веселить, далѣе, и обстановка, при которой преподаются уроки Закона Божія. Такъ, стоя на молитвѣ, предъ началомъ *уроковъ Закона Божія*, дѣти обращаются лицомъ въ передній уголъ, гдѣ виситъ четвероконечный крестъ безъ изображенія на немъ распятаго Іисуса Хріста. Св. иконъ въ школѣ нѣтъ, кромѣ креста. „Много было мною передумано, замѣчаетъ здѣсь авторъ, за эти четыре года (законоучительства) по этому поводу, много было скорби на душѣ... Не при такой обстановкѣ я привыкъ вести уроки закона Божія... Да нѣтъ здѣсь и образа Спасителя, ласково благословляющаго Своихъ дѣтей... Нѣтъ и зажженной лампы предъ образомъ... Тяжело!.. Но что было дѣлать? Мнѣ скажутъ—слѣдовало-бы повѣсить. Но не будетъ-ли здѣсь святая икона предметомъ поруганія и насмѣшекъ со стороны нѣмцевъ-лютеранъ, когда они собираются въ ту-же школу по воскреснымъ днямъ на общую молитву. Здѣсь мы не хозяйева, а гости и должны были мириться съ нѣмецкими обычаями“...

Да, тяжело законоучителю! Еще тяжелѣе ученикамъ, которые въ своей родной странѣ должны, такъ сказать, урывками учиться основнымъ истинамъ хрістіанской вѣры въ часы имъ позволенные и при обстановкѣ имъ указанной... И какъ-бы ни старались при этомъ сгладить общее не-

благопріятное впечатлѣніе, которое невольно ложится на душу, когда видишь православно-русскихъ дѣтей въ школахъ съ лютеранской и католической закваской, какъ-бы ни были бдительны и зорки законоучителя русскихъ дѣтей, однако все-же придется согласиться съ тѣмъ, что дѣти не застрахованы отъ общаго раціоналистическаго духа протестанства и отъ подавляющаго вліянія католичества... Конечно, они не усвоятъ общаго духа католичества и лютеранства, но кое-что они несомнѣнно могутъ усвоить изъ нихъ и привнести нѣчто новое, нежеланное въ совокупность вѣрованій и убѣжденій, коими живутъ православно-русскіе люди...

И понятны, поэтому, вполне понятны слѣдующія думы труженника на нивѣ дѣтскихъ сердець, когда онъ въ раздумьи задается вопросомъ: „гдѣ - же справедливость? Въ нѣмецкой колоніи, въ коей всего около двадцати пяти домовъ, имѣются двѣ хорошо обставленныя земскія школы, а въ одной верстѣ, въ д. Супоневѣ, нѣтъ и школы грамоты! По истинѣ тяжело было проѣзжать мимо своей приходской деревни и ворочать лошадь въ колонію, гдѣ для меня, кромѣ трехъ-четырехъ десятковъ русскихъ учениковъ, все чуждо. Становилось обидно за своихъ прихожанъ, что ихъ втолкнули въ нѣмецкую школу ради одного лишь того, чтобы не поставить крестъ надъ обѣими колонійскими школами—дѣйствительно безъ русскихъ учениковъ въ каждой школѣ останется нѣмцевъ не больше какъ по десятку. Но что было дѣлать!—Подождемъ, быть можетъ проглянетъ солнышко и надъ Супоневымъ, быть можетъ и здѣсь выростетъ своя школа, гдѣ подъ сѣнію креста, не только дѣти будутъ просвѣщены свѣтомъ знанія, но и

взрослые чрезъ виѣбогослужебныя бесѣды будутъ просвѣщены и нравственно-облагорожены“¹⁾.

И не въ одной только Самарской губерніи растутъ нѣмецкія колоніи. Нѣтъ, они заполнили, можно сказать, весь югъ, всѣ лучшія черноземныя пространства. Намъ приходилось проѣзжать по Харьковской, Подтавской, Екатеринославской, Таврической и др. губерніямъ. И вездѣ мы слышали объ успѣхахъ и процвѣтаніи нѣмецкихъ колоній. Процвѣтають, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ поселкахъ и школы. Ширится и ихъ нежеланное вліяніе на окрестныхъ поселянъ. Недавно мы имѣли долгую бесѣду съ однимъ изъ инспекторовъ земскихъ школъ, человѣкомъ богословски-образованнымъ и глубоко симпатизирующимъ церковнымъ школамъ. Онъ года два тому назадъ служилъ въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній... И сколько скорби слышалось въ его разсказахъ о томъ, какъ ширится путемъ школъ подавляющее вліяніе иноплеменниковъ-колонистовъ на нашихъ добрыхъ и простыхъ южанъ...

Итакъ, вездѣ дѣйствуютъ иноплеменники. Еще нѣсколько словъ о нихъ. Минувшимъ лѣтомъ мы были въ Крыму. И здѣсь опять иноплеменники, татары и турки, съ ихъ восточными развращающими нравами оказываютъ свое вліяніе на русскихъ дѣтей. Казалось-бы, что здѣсь, не можетъ быть и рѣчи объ ихъ вліяніи, потому что здѣсь нѣтъ почти постоянно живущихъ православно-русскихъ дѣтей... Однако и здѣсь не мало юныхъ жертвъ. Извѣстно, что южный берегъ Крыма съ его красотами, голубое море, влекутъ къ себѣ праздный людъ. И здѣсь его не мало. Алупка, Ялта, Гурзуфъ

переполнены имъ. Преобладающій элементъ—дамы. Съ ними конечно и дѣти. А около нихъ, т. е. около дѣтей и дамъ, различные Али, Мухтаремы Сулейманы и Реджэны т. е. развратные, циничные татары и турки, умѣющіе входить въ близкое знакомство съ нашими туристками... Они очень внимательны къ дамамъ. Очень предупредительны и съ дѣтьми... Намъ приходилось лично наблюдать, какъ татары и турки водятъ здѣсь за руки дѣтей и гуляютъ съ подростками. И все это дѣлается татарами и турками здѣсь для того, чтобы потомъ чрезъ дѣтей познакомиться съ ихъ матерями... Такъ, въ Алупкѣ, мы долгое время наблюдали за однимъ учителемъ татарской школы—туркомъ въ фескѣ. Онъ познакомился сначала съ однимъ школьникомъ, ходилъ съ нимъ, водилъ его за руку. Скоро я видѣлъ уже четырехъ: мусульманина-учителя, мальчика, его мать и гувернантку. Потомъ, вечерней порой, стали появляться мусульманинъ, мальчикъ и мать... Учитель сталъ уже не такъ внимателенъ къ мальчику... Не ласкала его и мать... „Поди, погуляй у моря“—постоянно говорила она ему... И онъ уходилъ, уходилъ, чтобы дать свободу своей матери... А малюткѣ уже лѣтъ 7—8... Чему-же научится онъ здѣсь?... И сколько въ Крыму такихъ истинно-несчастныхъ заѣзжихъ дѣтей, которыхъ если не развращаютъ, то глубоко оскорбляютъ иноплеменники татары и турки... Есть здѣсь и постоянно живущія русскія дѣти—дѣти прислуги... Но ихъ сравнительно немного... И это къ ихъ благополучію, потому что для нихъ нѣтъ здѣсь никакихъ средствъ къ воспитанію... Правда, здѣсь есть одна земская школа, но она исключительно предназначена для мусульманскихъ дѣтей, гдѣ

¹⁾ Тамъ же.

учителемъ мусульманинъ турокъ. Постѣнамъ этой школы всюду развѣшены изреченія турецкой философіи напечатанныя серебромъ и золотомъ, а между ними красуется надпись по-турецки: „всякую скорбь міра разсѣвають зелень, вода и красота“... „Это нашъ девызъ“ — замѣтилъ мнѣ, улыбаясь, мусульманинъ учитель, когда я однажды заглянулъ къ нему въ школу, гдѣ онъ расхаживалъ предъ учениками и раскуривалъ папиросу... Предъ учениками лежали учебники на турецкомъ языкѣ... Словомъ, въ этой школѣ съ мусульманиномъ учителемъ нѣтъ мѣста хрістіанскимъ дѣтямъ... Да и до школы-ли, когда въ Алупкѣ еще доселѣ не могутъ отстроить приличнаго православнаго храма, тогда какъ здѣсь давнымъ давно красуется богатая мечеть съ большимъ зеленымъ куполомъ и минаретомъ, съ котораго муэдзинъ громогласно призываетъ къ молитвѣ поклонниковъ Магомета... А за этимъ голосомъ какъ-то плохо слышится голосъ служителя Церкви — голосъ, кажется, одинокій, потому что русскіе крымскіе обитатели болѣе заботятся о созиданіи различныхъ клубовъ и концертныхъ заль, чѣмъ училищъ вѣры и нравственности... Такъ, и сами русскіе люди своимъ равнодушнымъ, а иногда предосудительнымъ отношеніемъ къ православно-хрістіанской вѣрѣ и нравственности невольнo помогаютъ врагамъ нашей родины въ ихъ пропагандѣ иновѣрныхъ взглядовъ. А эта пропаганда все ширится и ширится на русской землѣ. Она сливается нерѣдко съ проповѣдью невѣрія и вмѣстѣ съ нею болѣе и болѣе расшатываетъ всѣ старые устои, которыми такъ дорожатъ православно-русскіе люди...

Боясь выступать на открытую борьбу съ православіемъ и русскою народ-

ностію, они питаютъ къ нимъ тайную вражду: все болѣе и болѣе сплачиваются между собою и заносятъ свое вліяніе въ самые отдаленные центры Руси... Такъ, миновшимъ лѣтомъ мы съ грустью слышали о томъ, что даже въ предѣлахъ Костромской губерніи—и тамъ, подъ покровительствомъ одного „иноплеменника“, процвѣтаетъ, на примѣръ, толстовщина... Ужели это правда?.. Ужели и эти, можно сказать, далекія отъ запада окраины отдають ему свою дань?.. Обидно за православно-русскихъ людей...

Здѣсь невольно припоминается намъ завѣщаніе незабвеннаго святителя Митрофана, со дня кончины котораго истекаетъ въ ноябрѣ текущаго года 200 лѣтъ. Въ немъ онъ настойчиво предостерегаетъ Воронежскую паству отъ „содружества“ съ иностранцами и умоляетъ „вседушно любить православно-каѳолическую вѣру, чтить единую во всей вселенной Церковь, какъ мать“... Видно, предвидѣлъ Святитель вредъ отъ иностранной пропаганды. Видно, понималъ онъ, что не можетъ быть безкорыстнаго и искренняго содружества „иноплеменниковъ“ съ православно-русскимъ народомъ...

И вотъ именно здѣсь-то, въ этомъ-то вліяніи „иноплеменниковъ“, вліяніи подавляющемъ національную самобытность Русскаго народа, съ его православно-хрістіанскими вѣрованіями, начертывается особая задача для труженниковъ на нивѣ Божіей—на нивѣ дѣтскихъ сердець—задача бережнаго отношенія къ стариннымъ русскимъ завѣтамъ и ревниваго охраненія этихъ завѣтовъ. И это задача—задача общая для всѣхъ труженниковъ школъ даже и для тѣхъ, кои незнакомы съ непосредственнымъ натискомъ чуждыхъ

вляній, сисящихся расшатать обцій строй жизни рускаго челоуѣка и стертъ его отличительный духовный обликъ. И это потому, что попытки, такъ сказать, обезличить нашъ простой деревенскій людъ, уничтожить всѣ симпатичныя особенности его православно-хрістіанскаго облика замѣчаются повсюду. И если не „иноплеменники“, то часто сами-же рускіе, привыкшіе угождать западнымъ вкусамъ, являются и распространителями ихъ среди нашего добраго народа, незамѣтно отравляющими народную душу...

Пусть-же истинно—народная школа воспитываетъ и воспитываетъ вѣрныхъ сыновъ земли Русской въ духѣ православія и завѣтовъ родной старины.

Пусть не поддается она вліянію западнаго свободомыслія. Пусть борется она съ открытымъ натискомъ иноплеменниковъ путемъ заведенія правильной православно-хрістіанской системы воспитанія русскихъ дѣтей. Пусть не упускаетъ она изъ виду и того, что кромѣ открытаго посягательства на національную самобытность рускаго народа существуютъ еще и тайныя посягательства на нее... А поэтому всѣмъ истиннымъ ревнителямъ народнаго просвѣщенія слѣдуетъ настойчивѣе и настойчивѣе призывать подрастающее поколѣніе къ преданности святой православной вѣрѣ и къ добрымъ старорусскимъ завѣтамъ.

Д. Введенскій.

ПОРОЧНЫЕ ШКОЛЬНИКИ.

(Продолженіе)¹⁾.

Если повнимательнѣе поприглядѣться къ дѣтскому, вѣрнѣе школьному міру, то грустныхъ фактовъ и душу раздирающихъ картинъ наберется очень много. Вотъ для примѣра еще фактъ. Пришлось мнѣ быть у своего хорошаго знакомаго. По профессіи онъ—коммерсантъ, онъ только что возвратился съ ярмарки.

— Вотъ, батюшка, какую рѣдкостную картину мнѣ пришлось видѣть! Увѣряю васъ, вы ничего подобнаго не видѣли!

— Можетъ быть!... Передайте, что такое вы видѣли, Ив. Ар., я радъ послушать.

— Никогда ничего подобнаго я въ жизни не видѣлъ. Дѣло въ слѣдующемъ, началъ мой собесѣдникъ. Въ ва-

гонѣ было просторно, сидѣли я, да еще четыре челоуѣка. Сидѣли мы по разнымъ угламъ. Все было тихо. Вдругъ слышу дѣтскій плачь въ одномъ изъ отдѣлений вагона. Я отправляюсь въ сторону крика. Оказывается, въ отдѣленіи вагона сидятъ четыре мальчика, изъ которыхъ младшему лѣтъ десять, старшему—четырнадцать. Младшій плачетъ.

— О чемъ, мальчикъ, плачешь? спрашиваю я.

— Они меня, дяденька, обидѣли.

— Чѣмъ обидѣли?

— Вотъ Пашутка себя больше взялъ, а мнѣ меньше далъ, а самъ и не работаль.

— А чѣмъ вы, мальчики, занимаетесь, учитесь что ли гдѣ?

— Ха... ха... засмѣялись трое, мы ужъ выучились.

¹⁾ См. № 21.

— Мы, дяденька, по карманамъ лазимъ, отвѣтилъ самый младшій.

— Ну чѣмъ же задѣлили то тебя, полюбопытствовалъ я.

— Мы сегодня ночью лавку обокрали...

— Ай!.. ай!.. какъ же вы ухитрились-то?

— А ты, дяденька, не расскажешь про насъ? сказалъ младшій, я тебѣ все расскажу!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, я не расскажу никому, ты повѣдай мнѣ всю правду!

— Видишь, дяденька, задумали мы лавку обокрасть, но лавка запирается крѣпко... въ дверь пройти нельзя..., а вотъ онъ, Пашутка то, замѣтилъ окошечко, оно маленькое... Вотъ говоритъ, ты, Бориска, полѣзай въ окно, отмычки захвати, самъ ты тонкій, голова маленькая... Прежде всего, какъ залѣзешь, свѣчку зажги, а потомъ забирай деньги, дорогіе товары намъ подавай, а мы нанизу все приберемъ. У насъ три мѣшка было принесено. Вотъ мы и набрали всего въ лавкѣ, товаръ продали, стали деньги дѣлить, Пашутка мнѣ и мало далъ, а вѣдь я главный-то! Безъ меня имъ ничего изъ этой лавки не взять бы!

— А безъ меня вы бы и не придумали такого дѣла, отвѣтилъ старшій. Да потомъ ты изъ казенки не всѣ деньги намъ представилъ.

— Вы и въ казенку забрались? спросилъ я ихъ съ сердечною болью.

— Нѣтъ, дяденька, это мы только такъ говоримъ, пояснилъ одинъ. Мы у казенокъ по карманамъ лазимъ. И особенно ловокъ вотъ тотъ, что горючи слезы попусту проливаетъ.

— Какъ же вы ухитряетесь по карманамъ то лазить?

— Мы, дяденька, ѣздимъ по ярмаркамъ, городамъ. Въ праздникъ народъ соберется у казенки и мы туда,

заберемся въ средину толпы, да и по карманамъ, а какъ начнется торговля виномъ, только успѣвай карманы очищать! А мужики подопьютъ—еще лучше!...

— Милые мальчики! Какіе вы молоденькіе, а дѣлами плохими занимаетесь?! Погибнете вы всѣ, очень скоро погибнете!...

— Наша жизнь, дяденька, не дорога!... Меня сейчасъ рѣжьте и я ничего!... высказался старшій.

— А вы учились гдѣ-нибудь въ школѣ? спросилъ я ихъ.

— Какъ же, мы всѣ понемножку учились, мы всѣ изъ одного города... да школу то мы скоро бросили. Чего попусту тамъ учиться!

— А васъ не оставляли еще учиться?

— Учителя оставляли, говорили: учитесь, хорошими людьми будете.

— А вы что?

— А мы взяли да убѣжали изъ школы, сказали, что не желаемъ учиться... силой не заставишь учиться!....

— А въ школѣ, мальчики, вы воровствомъ не занимались?

— Понемногу баловались...

— Зналъ ли учитель про ваше воровство?

— Онъ скоро узналъ, меня все уговаривалъ не воровать, говорилъ, что плохо мнѣ отъ этого будетъ, какъ бы съ раздумьемъ сказалъ младшій.

— Если бы учителя скоро не узнали, что мы за гуси, мы бы подольше въ школѣ поучились, добавилъ старшій.

— Учителя-то не велятъ воровать, вамъ это не понравилось, вы и бѣжать?...

— Ну да, и убѣжали...

— Мы привыкли воровать, до школы понемножку воровали, пояснилъ средній.

— Родители у васъ есть? спросилъ я.

— Есть, да они сами не лучше насъ. Мы сначала побирались... да что толку въ этомъ? Подаютъ мало!... Скоро ли рубль то наберешь?... А тутъ у другого пьянаго мужика десятку схватишь, а рублями, пятерками постоянно попадаетъ, съ восторгомъ говорилъ Пашутка.

— Вы бы на работу куда нанялись.

— Не стоитъ, дяденька, мы живемъ веселѣе и привольнѣе, у насъ всегда есть деньги и на обѣдъ и на вино, и на другое все... заключилъ съ ухарскимъ отгѣнкомъ Пашутка...

Поѣздъ подошелъ къ станціи.

— Прощай, дяденька!...

— Вы уже уходите? куда же вы? далеко ли ѣхать-то вамъ?

— Довольно!... отдохнули... пора дѣломъ заняться!... командовалъ быстро юркающимъ одинъ за другимъ изъ вагона, предводитель маленькаго летучаго отряда человѣческихъ паразитовъ.

— Обидно, тяжело и грустно смотрѣть на подобныя явленія! Кто эти дѣти? Что они изъ себя изображаютъ? Враги и паразиты наши. Если бы была моя воля, то я прежде всего выпоролъ бы этихъ негодяевъ и отдалъ бы подъ строгій надзоръ до совершеннолѣтія. Небось исправились бы! заключилъ мой собесѣдникъ.

Какъ говорятъ, въ семьѣ не безъ уroda, такъ и въ школѣ, въ которой человѣкъ двѣсти учащихся. Я веду рѣчь къ тому, какія иногда въ школахъ бываютъ своеобразныя дѣти. Мнѣ пришлось имѣть дѣло въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ съ ученикомъ весьма рѣдкостнаго характера. На видъ ученикъ крѣпкаго сложенія, подвижной, общительный, временами откровенный, съ богатыми способностями. Прежде всего этотъ ученикъ отличался необыкновенною рѣзвостью.

Такъ, когда онъ учился въ первомъ отдѣленіи школы, то, бывало, въ то время, когда всѣ ученики идутъ тихо, онъ бѣшено бѣжить, по-звѣрски визжитъ. Случалось, что среди уроковъ до слезъ размѣется. И все это происходитъ безъ видимой причины. Фамилія ему Хрѣновъ. Рѣзкости Хрѣнова скоро были замѣчены, были приняты и соотвѣтственныя мѣры. Но на первыхъ порахъ ничто не помогало. Самъ Хрѣновъ былъ еще малъ, убѣжденія никакія на него не дѣйствовали. Одно только средство оказывало надлежащее дѣйствіе—это предупрежденіе шалостей. Но постоянно заниматься въ многолюдной школѣ однимъ только ученикомъ нельзя. Это все сказывается на успѣхахъ цѣлой школы. На ревизіяхъ прежде всего обращаютъ вниманіе на знанія. Но жаль было оставить несчастнаго безъ помощи. Въ виду этого я рѣшилъ пригласить къ себѣ на совѣтъ его мать. Но оказалось, онъ воспитывался у тѣтушки, хотя мать и отецъ его были живы. Въмѣсто матери его явилась ко мнѣ, по моему приглашенію, тетюшка Хрѣнова. Я ей пояснилъ, что племянникъ ея очень странный мальчикъ, что онъ требуетъ тщательнаго надзора. Разумная женщина со мной согласилась.

— Я и сама, И. Н., замѣчаю, онъ какъ больной какой, на него, по нашему, какъ родимецъ находить.

— Кричитъ онъ дома когда?

— Нѣтъ, онъ сначала размѣется, а потомъ расплачется.

— А есть у него родители? спрашиваю я.

— Есть... да они бросили его. Отецъ то его, еще году не было ему, скрылся... Говорятъ и сейчасъ въ Москвѣ шатается; мать тоже распутная женщина, пьяница... фабричная...

— Ты, тетушка, когда онъ начнетъ шалить, останавливай его, а бить, не бей...

— А мы все били его, да онъ и боя не боится, ты его бьешь, а онъ говорить „небольшо“...

Дѣйствительно, Хрѣновъ неспособенъ былъ боль чувствовать, онъ падалъ съ крыши, съ деревьевъ и не плакалъ.

Тетушка Хрѣнова приняла мой совѣтъ, не была болѣе племянника. Учился Хрѣновъ хорошо, но отъ проказъ его не было покоя. Если бы онъ проказничалъ въ стѣнахъ школы, еще бы ничего, но бѣда въ томъ, что часто онъ безобразничалъ внѣ школы. Бывали случаи, что онъ смѣялся, пицалъ въ храмѣ. Въ избѣжаніе подобныхъ неприяностей пришлось ставить его, во время богослуженія, около себя. На первый годъ ученія проказы Хрѣнова отличались всетаки дѣтскимъ оттѣнкомъ, но на второй годъ Хрѣновъ сталъ себя заявлять взрослымъ человѣкомъ. Прежде всего онъ сталъ злоупотреблять грамотностью, писать на дверяхъ, стѣнахъ скверныя слова, а потомъ сталъ просить по лавкамъ милостыню. Такъ по пути въ школу, онъ, бывало, книжки отдастъ товарищамъ, а самъ съ сумочкой пойдетъ по лавкамъ милостыню просить. Послѣдняя шалость скоро однако обнаружилась; кто-то изъ учениковъ мнѣ сказалъ объ этомъ. Я призываю Хрѣнова.

— Хрѣновъ! ты, говорятъ, побираешься?

— Нѣтъ, И. Н., неправду вамъ сказали, мы не бѣдные!

— Хрѣновъ, сознайся, расскажи мнѣ все. Ну, рассказывай!

— Я одинъ разъ, съ улыбкой отвѣтилъ виновный.

Я разсмѣялся, разсмѣялся и Хрѣновъ.

— Молодецъ, что сознался! Теперь все мнѣ расскажи?

— Мнѣ утромъ тетка мало пирога даетъ, да пирогъ - то черный, а я ѣсть хочу.

— Ты и давай побираться?

— Нѣтъ, я сначала просилъ булки у Петрушки Бублина.

— Это какой такой Бублинъ?!

— Онъ на нашей улицѣ живетъ, онъ побирается.

— И онъ тебѣ даетъ?

— Даваль, я ему копейку обѣщалъ заплатить, а копейки у меня нѣтъ... Онъ и отдулъ меня, а потомъ говорить, ступай, самъ собирай.

— Ну ты и пошелъ?

— Я пошелъ, говорю: „подайте ради Христа!“ Мнѣ не даютъ, ты, говорятъ ученикъ, у тебя книжки въ сумкѣ. На другой день книжки я отдалъ Мишину, а самъ пошелъ милостыню просить.

— Гдѣ же ты былъ?

— Въ лавкѣ попросилъ, подали копейку.

— А еще гдѣ былъ?

— Въ пекарнѣ.

— Что же тутъ тебѣ дали?

— Баранку.

— Потомъ куда пошелъ?

— Въ школу.

— Что же ты ко мнѣ не пришелъ и не попросилъ копейку?

— Вы не дадите, тетѣ скажете.

— А еще когда побирался?

— У собора милостыню просилъ.

— Это когда же?

— Послѣ ранней обѣдни.

— А еще когда просилъ у собора?

— Вотъ въ воскресенье просилъ.

— А какъ же ты ушелъ изъ собора, у учителя спрашивался?

— Спрашивался. Да я теперь за службу смирно стою.

— Какъ же ты, Хрѣновъ, въ воскресенье то просилъ?

— Я сталь около слѣпого. Какъ кто даетъ копеечку слѣпому, такъ я беру; думаютъ, что я его жокакъ, а слѣпой-то не видитъ.

— Еще когда просилъ милостыню?

— Нѣтъ, еще никогда не просилъ... Это меня научилъ Бублинъ.

— А еще будешь побираться?

— Не буду, никогда не буду.

Выслушавъ исповѣдь виноватаго, я приступилъ къ язвямъ больнаго.

— Хрѣновъ, почему слѣпой стоитъ у соборной паперти, да просить милостыню?

— Онъ работать не можетъ, у него глазъ нѣтъ.

— Ну что за бѣда, что работать не можетъ!

— У него хлѣба нѣтъ.

— А хлѣбъ ему нуженъ?

— Нуженъ.

— На что намъ хлѣбъ нуженъ?

— Бѣсть, безъ ѣды мы жить не можемъ.

— А у тебя хлѣбъ есть?

— Есть, мнѣ тетя даетъ.

— У тебя какого хлѣба нѣтъ?

— Бѣлаго.

— Вотъ видишь, у тебя бѣлаго хлѣба нѣтъ, булокъ, пряниковъ нѣтъ, а у слѣпого и чернаго хлѣба нѣтъ. Ты живешь у тети, а у слѣпого и дома, можетъ быть, нѣтъ?!

— Онъ на квартирѣ живетъ.

— Вотъ видишь, ему за квартиру нужно платить, онъ и одежды себѣ не можетъ шить, а ты у него копейки отбиралъ. Хорошо ли ты сдѣлалъ?

— Плохо.

— Вотъ тетюшка - то узнаетъ, она задасть тебѣ, со двора прогонитъ.

— Нѣтъ, никогда не буду, кланяясь въ ноги, шепталъ Хрѣновъ, не буду, не буду—слышалось сквозь слезы. Тетѣ не сказывайте, И. Н.!...

— Если не будешь еще побираться, то не скажу.

— Никогда не буду...

— Ступай, Богъ съ тобой! Да вотъ что: съ Бублинымъ своимъ не водись, онъ плохой товарищъ, приходи почаще къ намъ въ школу, лучше будетъ! Я тебѣ буду хорошія книжки давать читать. Обучишься хорошенъко, тогда и самъ будешь хлѣбъ зарабатывать. Какъ Богъ велѣлъ Адаму хлѣбъ то зарабатывать?

— Богъ сказалъ Адаму, что трудомъ себѣ хлѣбъ будешь добывать.

— Вотъ вѣдь какъ, а ты вздумалъ милостыню выпрашивать!

Въ этотъ разъ Хрѣнова отпустилъ съ книгой подъ заглавіемъ „Добрый сынъ“.

Задумавшись надъ проказами хитраго ученика, я рѣшилъ постараться отвлечь его отъ уличныхъ проказъ и вообще размышленій о соблазнительныхъ удовольствіяхъ. Прежде всего я рѣшилъ помѣстить его въ школьный хоръ, попросилъ учителя — регента помочь мнѣ въ данномъ случаѣ, онъ, конечно, согласился. Хрѣновъ, нужно замѣтить, заинтересовался новымъ дѣломъ, на спѣвки всегда являлся аккуратно. У него выработался отличный альтъ. Когда онъ обучался въ третьемъ отдѣленіи, его часто заставляли въ храмѣ читать часы, шестопсалміе. Принятія мѣры благотворно повліяли на паціента. Хрѣновъ сталъ выглядывать благороднѣе, скромнѣе и почтительнѣе. Тетюшка его часто являлась ко мнѣ и завѣдывающему школой, сообщала намъ, какъ ведетъ себя ея племянникъ дома. Она все просила не увольнять ея племянника изъ школы, такъ какъ сама она стала стара, родныхъ дѣтей нѣтъ и сильно желаетъ воспитать племянника.

Однажды явилась даже въ школу родная мать Хрѣнова.

Служитель мнѣ доложилъ, что меня желаетъ видѣть мать Хрѣнова. Я вышла.

— Я къ вашей милости, г. учитель! Спасибо вамъ за моего сына. Онъ теперь сталъ смиренѣе, слишкомъ онъ былъ шаловливъ и рѣзвъ!

— Въдъ онъ не съ тобой живетъ?

— Нѣтъ, онъ у тетки живетъ, я иногда у нея бываю и вижу его.

— А почему ты сама не воспитываешь сына?

— Я на фабрикѣ работаю, весь день занята.

— Одно другому не мѣшало бы, у всѣхъ родителей дѣла есть.

— Нѣтъ, г. учитель, намъ—фабричнымъ нельзя дѣтьми заниматься. Буднями мы на работѣ, а праздникъ, сами знаете, нужно отдохнуть, погулять, мы народъ фабричный... Ужъ вы поприглядите за сыномъ...

— А мужъ твой гдѣ?

— Онъ давно меня оставилъ. Слышно, на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ таскается. Э... э... оба мы плохіе люди! Прощайте!...

Оставивъ сильный запахъ водки, удалилась за дверь несчастная мать.

До глубины души стало жаль мнѣ Хрѣнова! Вижу, что вся его участь зависитъ отъ насъ—учителей. Приложивъ всѣ усилія къ спасенію Хрѣнова, я довелъ до четвертаго класса, а тамъ и до окончанія курса въ двухклассной школѣ. Чувствовалось, что слѣдовало бы его еще поучить, но тогда не было еще второклассныхъ школъ и пришлось пустить его въ жизнь съ тѣми знаніями, которыя могла дать ему двухклассная школа.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. *І. Молебновъ.*

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Моли́тва.

(Изъ записокъ сельскаго учителя).

Вспоминается мнѣ одинъ изъ моихъ бывшихъ питомцевъ,—Степка Рѣзниченко, сутулый, не по лѣтамъ мрачный крестьянскій мальчикъ, выдѣлявшійся изъ толпы своихъ товарищей феноменальною грубостью и драчливостью. Натура рѣзкая, грубо—чувственная, онъ вѣчно, бывало, воинствуетъ въ школѣ. Невольно какъ-то бросалось въ глаза это топорно—скуластое личико, съ упрямымъ, угрюмо—сосредоточеннымъ взглядомъ, съ жесткой шевелюрой на головѣ, съ рыцарскими знаками отличій—синяками и кровоподтеками подъ глазами. Стоило лишь отвернуться въ сторону или

на минуту уйти изъ класса, какъ Степка уже сцѣпилъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, къ величайшему удовольствію всѣхъ школьниковъ. Мѣсто побоища вмигъ окружалось толпой ребятъ, поднимался невообразимый шумъ, крикъ, хохотъ, и въ результатъ — непременно кровоизліяніе изъ носа, или новое доказательство воинственности у Степки или у его противника...

Чаще всего эти поединки происходили во время большой перемѣны, когда я уходилъ обѣдать къ бабушкѣ.—Войдешь, бывало, послѣ обѣда въ классъ, — ползеть чья-нибудь окровавленная физиономія въ сопрово-

жденіи толпы услужливыхъ свидѣтелей. А Степка, раскраснѣвшійся и уставшій, сидитъ, уткнувши носъ въ книгу и исподлобья, выжидающе глядитъ на меня своими тупыми, равнодушно—усталыми глазами...

О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ отношеніи Степки я не позволялъ себѣ и думать, такъ какъ глубоко былъ убѣжденъ, что они только ожесточаютъ и запугиваютъ ребятъ, еще глубже укореняя въ нихъ извѣстныя наклонности, привычки, возрѣнія...

Испробовалъ я всѣ мѣры наказаній, дозволенныхъ педагогикою: взглядъ, внушеніе, временное выдѣленіе изъ товарищей, оставленіе въ классѣ послѣ занятій и проч., но ничего не пообляло.

Что дѣлать? Я рѣшилъ неотлучно находиться при учащихъ,—и просилъ батюшку присылать мнѣ обѣдъ на домъ. Эта мѣра вначалѣ подѣйствовала, но не надолго: примирившись съ моимъ постояннымъ присутствіемъ въ классѣ, Степка перенесъ свои подвиги на улицу... Сталъ я глубже вглядываться въ душу мальчика. Главнымъ побужденіемъ къ дракамъ,—какъ мнѣ казалось,—служила незаурядная мнительность забіяки: Степкѣ всегда казалось, что надъ нимъ смѣются, не признаютъ его физическихъ преимуществъ, считаютъ его чудакомъ, забавникомъ. Съ другой стороны Степка, очевидно, увлекался своей ролью отчаяннаго, неисправимаго забіяки...—„Никому не снущу!“—кричалъ онъ, бывало, злобно тараша глаза и наступая на товарища...

Школьники, въ свою очередь, склонны были глядѣть на Степку, какъ на своего рода героя,—и это льстило самолюбію мальчика, подзадоривая его на новыя похождения...

Оставалось уволить Степку, какъ не-

исправимаго драчуна, оказывавшаго вредное вліяніе на товарищей. Но меня глубоко заинтересовало это упорство и неподатливость дѣтской натуры, и я далъ себѣ слово—во что-бы то ни стало исправить мальчика!

Да и не всегда удобно бываетъ въ нашихъ сельскихъ школахъ увольнять мальчика за шалости: крестьяне въ подобныхъ случаяхъ склонны заподозрѣвать учителя въ жестокости, личной неприязни и другихъ некрасивыхъ побужденійхъ.

Сталъ я придумывать всевозможныя мѣры къ исправленію Степки. Не довольствуясь собственной практикой, я обратился за совѣтомъ къ учителямъ ближайшихъ министерскихъ училищъ, какъ мастерамъ педагогической выправки. Они засыпали меня многочисленными цитатами изъ старыхъ учебниковъ, самодовольными указаніями на примѣрное благонравіе своихъ питомцевъ, но вопроса все-таки не рѣшили. Одинъ изъ нихъ, послѣ долгихъ разсужденій о мѣрахъ къ исправленію дѣтей, вдругъ снисходительно улыбнулся и выпалилъ: „да что вы съ нимъ, со Степкой этимъ, миндальничаете!? Всыпьте ему сорокъ-пятьдесятъ горяченькихъ,—и всю дурь какъ рукой сниметь!“...

Одинъ только старенькій батюшка, окружной духовникъ, навелъ меня на счастливую мысль. „Вы не бейте хлопчика,—посоветовалъ онъ мнѣ. Лучше помолитесь о его вразумленіи всѣмъ классомъ,— да помолитесь искренно, съ душевнымъ сокрушеніемъ... Сердечная, душевная молитва горами двигаетъ“....

Вошелъ я однажды въ классъ. Ко мнѣ съ плачемъ кинулся малышъ съ окровавленнымъ лицомъ, жалуясь и указывая на Степку.

Я тихо прошелъ къ своему мѣсту

и остановился. Классъ притихъ въ ожиданіи. — „Дѣти!“ — скомандовалъ я дрогнувшимъ голосомъ: „становитесь на молитву!“ — Дѣти, притихшія и недоумѣлая, какъ встревоженныя птички, тихо вышли на средину класса и опустились на колѣни. Тихо и одушевленно прочелъ я всѣ утреннія молитвы и въ концѣ подчеркнул голосомъ: „и вразуми, Господи, раба Твоего Стефана“...

Степка, стоявшій позади, вздрогнулъ и весь зардѣлся подѣ испытующе — любопытнымъ взглядомъ полсотни устремленныхъ на него дѣтскихъ глазъ...

Послѣ молитвы я объявилъ дѣтямъ, что съ этой поры мы каждый день, на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, будемъ молиться о вразумленіи Степки. „Нехорошее поведение Степки — наше общее несчастье,“ — добавилъ я въ концѣ. „Душа его погрязла въ жестокосердіи, и онъ, какъ больной, болѣе достоинъ состраданія, чѣмъ наказанія. — Итакъ, дѣтки, — не сердитесь же на Степку, что бы онъ ни дѣлалъ, — а лучше молитесь о его вразумленіи“....

Степка былъ ошеломленъ.

И въ самомъ дѣлѣ: физическія преимущества Степки, окружавшія его въ глазахъ товарищей ореоломъ геройства, вдругъ низведены на степень болѣзненныхъ припадковъ, обѣ исцѣленіи отъ коихъ молится вся школа!...

Степка нѣсколько дней не приходилъ въ школу; когда же онъ, наконецъ, явился, — мы не узнали его. Блѣдное личико мальчика носило слѣды тяжелаго раздумья и недоумѣнія. И куда дѣвалась его воинственность!

Передъ молитвой, Степка, впервые явившійся послѣ своего долгаго отсутствія, стоялъ, виновато понурия голову и исподлобья, напряженно всматривался мнѣ въ лицо.

— „Степка! — ласково обратился я къ мальчику: читай, голубь мой, молитву!“

Съ новымъ выраженіемъ душевнаго облегченія и благодарности, Степка истово перекрестился, и въ очарованной тишинѣ взволнованно зазвучала глубоко-искренняя, неподдѣльно-сердечная дѣтская молитва...

Былъ грустный зимній вечеръ. — Тускляя сѣрмая сумерки быстро окутывали окрестности. Въ ветхой деревенской церкви шла воскресная всенощная. — „Свѣте тихій“... — плавно и торжественно, какъ величавый рокоть отдаленнаго морского прибоя, несло съ клироса. Тихо мерцали свѣчи предъ иконами, озаряя святыхъ, благодѣльныхъ лицъ... Въ углахъ церкви ложились густыя широкія тѣни... Было грустно и вмѣстѣ отрадно; хотѣлось плакать о чемъ-то предъ всевидящимъ Богомъ, хотѣлось просто, подѣтски молиться рядомъ съ простыми кроткими сердцемъ, смиренными людьми, наполнявшими церковь... Пѣли дѣти — школьники, и изъ милой толпы ихъ выдѣлялось преображенное внутреннимъ одушевленіемъ личико Степки... Теперь онъ выдѣлялся изъ толпы товарищей не драчливостью, а неизмѣнною солидностью и страстною любовью ко всему церковному. Въ обѣденное время я спокойно оставлялъ Степку дежурнымъ по классу, и когда я возвращался отъ батюшки, — меня часто встрѣчало одушевленное церковное пѣніе.. Школьники, съ серьезными, сосредоточенными личиками, собравшись полукругомъ, пѣли, а Степка, подражая мнѣ въ искусствѣ регентованія, плавно водилъ по воздуху руками... „Будущій доморощенный регентъ“, — думалъ я, любуясь Степкой...

Учит. С. Козубовскій.

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXII.

Праздники и будни храма Божія.—Отрадная тѣснота и прискорбный просторъ.—Какъ учитель наполнялъ цуговавшій „пиръ вѣры“ возлежащими.—Читайте понятно.—Пойте разумно.—Творите дѣло Божіе истово.—Храмъ не только для праздниковъ, но и для будней.—„Осанна“ школы привлечетъ всѣхъ.

Благодареніе Богу!.. *Пиръ вѣры* Христовой — благолѣпныя, истовыя, торжественныя Богослуженія Церкви — рѣдко бывають не переполнены до тѣсноты *возлежащими*. У чудотворныхъ иконъ, св. мощей и т. п. чтимыхъ святыхъ въ дни ихъ чествованія вѣрующіе ждуть — не дождутся желанной очереди, забывая всякую давку, жару и духоту. Толпы колышутся, какъ волны морскія, сплачиваясь предъ лицомъ алтаря Божія въ одну непроницаемую массу, нерѣдко тѣснютъ до того, что въ ней буквально руки не вытащишь для крестнаго знаменія. Ярко — весело пылающіе огоньки безчисленныхъ свѣчей, благоуханіе кадильной жертвы Богу Вышнему, благолѣпныя облаченія священнослужителей, праздничный подборъ всей церковной утвари, стройное пѣніе и внятное благоговѣнное чтеніе, въ соотвѣтствіе возвышеннѣйшимъ умиленнѣйшимъ пѣснопѣніямъ и чиноположеніямъ церковнымъ, — все это приводитъ душу въ столь неизъяснимо-благодатное состояніе, которому нѣтъ подобнаго на землѣ. Придешь послѣ этого „пира вѣры“ домой, и... только тутъ замѣчаешь, что съ тобой начинается что-то совсѣмъ иное... Что-то несказанно — свѣтлое, блаженное отхлынуло отъ тебя, оставивъ одни воспоминанія о себѣ; душою спѣшать овладѣть неизбѣжныя будничныя заботы. Но вѣра сдѣлала свое незримое, великое дѣло: вдвойнѣ напрягаются силы, быстрѣе спорится работа, веселѣе ходять руки, за что ни возьмутся,

и вся душа ожила и закипѣла новыми силами и трудовой жаждою...

Къ прискорбію, навязывается въ противовѣсь сему и обратная картина.

Есть церкви, которыя пустуютъ и въ праздники. Богослуженіе не доходитъ до души и сердца посѣтителей, не трогаютъ ихъ присушею ему умалительностію и назидательностію, оставляетъ въ скукѣ и утомленія тѣхъ, для благодатнаго оживленія и укрѣпленія конхъ должно бы служить, и т. п. Нечего и говорить, что нѣкоторые храмы не привлекають въ *будничныя* службы даже и совсѣмъ свободный народъ, вродѣ стариковъ и старухъ. И это тѣ самые храмы, гдѣ служеніе не благолѣпно и небрежно, чтеніе и пѣніе изъ рукъ вонъ плохо, и вся постановка церковной жизни лишена такъ любимой нашимъ народомъ истовости, чинности и благоговѣйности.

Въ нижеслѣдующемъ любопытномъ сообщеніи одного изъ учителей прекрасно выяснено столь важное явленіе и указано вѣрнѣйшее средство къ его устраненію, къ поддержанію и возвышенію въ народѣ его вѣковой любви къ храму Божію, отъ котораго онъ искони почерпалъ всѣ жизненныя силы на подвигъ своей многотрудной и многострадальной жизни.

„4 Сент. 1902 г. я пріѣхалъ (такъ рассказываетъ учитель стан. Аксайской, Донск. обл., В. Волагуричь), въ Аксайскую станцію, чтобы занять должность старшаго учителя при второклассной школѣ.

Въ первую же субботу отправился я въ Успенскую церковь. Старинная церковь съ хорошею древнею живописью произвела на меня отрадное чувство. Въ душѣ невольно пронеслась похвала прихожанамъ этой церкви за ихъ столь доброе радѣніе къ благолѣпію храма Божія...

„Сталь я посрединѣ церкви. Народу было мало... Прошло уже добрыхъ полчаса церковной службы, а молящихся въ церкви не прибавилось. Защемило мое сердце. Но я постарался отогнать отъ себя это уныніе.... Церковная служба идетъ... Вотъ заплѣли уже „Хвалите имя Господне“, и глянулъ я кругомъ себя по церкви, а хвалящихъ имя Господне все-таки мало. Неужели же здѣсь такъ мало посѣщаютъ это единственное мѣсто нашего отдохновенія на землѣ? пронеслось у меня въ головѣ. Неужели же люди здѣсь не находятъ свободнаго и часа времени для молитвы? На слѣдующій день я справился у священнослужителя по этому вопросу и услышалъ печальный отвѣтъ: „народу-то много въ нашей станицѣ, да церковь-то посѣщаютъ немногіе“... Всю дорогу я доискивался причины этого печальнаго явленія и вспомнились мнѣ при этомъ слова нашего Божественнаго Учителя: *прельщаетесь, не въдуше писанія, ни силы Божія* (Матѳея 22, 29). Разсуждая по поводу этихъ словъ, я, съ помощью Божіей, припомнилъ и другія слова Господа нашего Иисуса Христа: *иже сотворитъ (едину заповѣдей) и научитъ* (такъ человѣки) *сей велиій наречетъся въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5, 19). Вникнувъ въ глубину этихъ словъ и увидѣвъ, какую богатую награду обѣщаетъ Господь тому, кто сообщить народу слово Божіе, которое онъ такъ охотно принимаетъ, призвавъ милосердаго Создателя въ помощники, далъ себѣ слово потрудиться для этихъ нищихъ духомъ и плачущихъ сиротливо о своей темнотѣ и жадно алчущихъ правды, потрудиться для нихъ на почвѣ

изъясненія православнаго богослуженія, чтобы они, уразумѣвъ внутренній смыслъ и красоту послѣдняго, охотнѣе шли въ храмъ Божій. Въ слѣдующій же воскресный день, послѣ божественной литургіи, я отправился къ настоятелю Успенской церкви, которому и открылъ о своемъ намѣреніи. Благодарю Тебя, Господи, что Ты призрѣлъ на меня недостойнаго и положилъ въ душу мою столь доброе начинаніе! О. Іоаннъ радостно выслушалъ мое заявленіе, благословивъ на предстоящій трудъ. „Чтобы не откладывать въ долгій ящикъ это, сказалъ мнѣ о. Іоаннъ, я въ 2 часа же пополудни и прикажу звонить на бесѣду“. Такъ и рѣшили. Съ свѣтлою душею я поспѣшилъ къ себѣ домой, чтобы обдумать первую свою бесѣду. Вниманіе мое остановилось на изъясненіи божественной литургіи, какъ самой важной службы изъ всего круга православнаго богослуженія.

„Итакъ, я дома и перечитываю матеріаль. (Читаю я по труду свящ. магист. Григорія Дьяченко „Общедоступныя бесѣды о богослуженіи православной Церкви“). Но вотъ разнесся благовѣсть колокола и замеръ вдали. Сердце мое какъ-то радостно и тревожно забилось. Радостно потому, что сознаніе мое говорило мнѣ, что можетъ быть, хотя одно слово, сказанное мною о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, о Его божественномъ ученіи, упадетъ на добрую почву и принесетъ плодъ..., а тревожно потому, что предъ моими глазами живо рисовалась картина того, какъ я молодой, неопытный, предстану предъ убѣленными сѣдинами старцами, людьми опыта, въ качествѣ учителя.. А колоколь все продолжалъ гудѣть, призывая жаждущихъ правды. „Господи! — воскликнулъ я отъ глубины сердца, — итакъ Ты призываешь меня на проповѣдь Твоего столь дѣйственаго слова! Иду, Господи, иду, и надѣюсь на Твою помощь. Я сознаю, что я неподготовленъ къ этому дѣлу, но глубоко вѣрю

въ силу Твою, которая въ немощи совершается“.

Я—въ караулкѣ, гдѣ и происходятъ бесѣды. Съ нетерпѣніемъ я поджидаль жажущихъ духовной пищи. И вотъ незамѣтно, какъ будтобы въ сновидѣніи, — да это вѣрно, потому что я находился въ сильномъ волненіи, — предстають предо мною жаждущіе живой воды. Собрались. О. Іоаннъ, который пришелъ открыть бесѣду, предложилъ помолиться Богу предъ началомъ добраго дѣла. Пропѣли „Царю небесный“. О. Іоаннъ, заявивъ народу, что съ сегодняшняго дня по праздничнымъ днямъ будутъ въ 2 часа пополудни происходить бесѣды, прочиталь житіе дневного святаго. Когда затихли послѣднія слова о. Іоанна, тогда я, мысленно испросивъ у Господа благословія, началъ бесѣду по изясненію божественной литургіи. Какая тишина царила въ комнатѣ! Съ какимъ вниманіемъ ловили слушатели разъясненія тѣхъ или другихъ символическихъ дѣйствій! Первую бесѣду я провель о чтеніи священникомъ, желающимъ совершать литургію, такъ называемыхъ „входныхъ молитвъ“, предварительно выяснивъ всю важность литургіи. Между объясненіями, помня совѣтъ великаго нашего учителя св. Іоанна Златоустаго—не утомлять слушателей однообразіемъ темы, я прочиталь статью изъ сочиненій св. Г. Петрова—„Дурацкія деньги“. Впечатлѣніе было сильное: многіе плакали—и по окончаніи бесѣды многіе просили у меня считать дома эту книжку.

„Время уже приближалось къ вечернѣ. Тогда я, прекративъ бесѣду и воспользовавшись свободнымъ временемъ, сказалъ нѣсколько словъ къ слушателямъ относительно церковнаго пѣнія. Когда мы пѣли предъ началомъ бесѣды „Царю небесный“, то изъ народа никто не пѣлъ съ нами. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, я и сказалъ слушателямъ, что свѣтскія пѣсни мы охотники большіе распѣвать, а

вотъ на духовныя пѣсни у насъ и голоса нѣтъ, нѣтъ у насъ и слуха. Какъ это непохвально для насъ, хрістіанъ!. И какой же результатъ?! Теперь, съ помощью Божіей, слушатели поютъ со мною молитвы: „Царю небесный“ и „Достойно есть“. Но вотъ раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Колоколь какъ бы пробудилъ меня отъ пріятнаго сновидѣнія. Всѣ слушатели встали, прославили Пресвятую Дѣву, помощницу и ходатаицу за всѣхъ предъ престоломъ Своего возлюбленнаго Сына и нашего Господа Іисуса Хріста. И вотъ въ это-то время я впервые узналъ запросы нашего народа, узналъ то, чего жаждетъ нашъ народъ, какой ему нравится способъ веденія бесѣды.

— „Откуда это васъ Господь принесъ къ намъ“, — послышалось отъ многихъ. Но вотъ кто-то изъ толпы старается выдти напередъ; гляжу: выступаетъ одна старушечка и говорить: „вотъ это вы хорошо дѣлаете, что выясняете намъ все такъ наглядно, что даже дѣткамъ и то понятно. (На бесѣдѣ присутствовали и дѣти). Я была вотъ въ Іерусалимѣ и Новомъ Аѳонѣ, тамъ вотъ тоже ежедневно читають, но никто изъ чтецовъ не разъясняетъ: прочтуть, да и только, многіе-то почти ничего не выносятъ. Нѣтъ, намъ нужно все выяснять, а то мы вѣдь писаннаго не понимаемъ. Спасибо вамъ!“ Такъ закончилась моя первая бесѣда.

„Вышелъ я изъ караулки, поглядѣлъ на храмъ Божій и пошелъ въ него со всѣми слушателями. А колоколь, какъ бы радуясь, что вошла новая волна въ храмъ, загудѣлъ радостнѣе „во вся“....

Изъ приведеннаго видно, что живое слово о Богослуженіи, живое отношеніе къ запросамъ народной души могучѣе всякаго колокола обладаетъ силою призывать и привлекать народъ къ храму Божію. Сектантская пропаганда, отрывающая дѣльными массами простодушно-довѣрчивый людъ отъ Церкви, именно тѣмъ и сильна,

что умѣть пользоваться столь могучимъ средствомъ воздѣйствія на русскую душу. Тѣмъ съ бѣльшимъ успѣхомъ и плодотворностію то же самое можетъ и должна примѣнять и Церковь, какъ сокровищница живыхъ и благодатно-дѣйственныхъ истинъ.

Справедливо, что чтенія въ духѣ приведеннаго выше разсказа—одно изъ наибѣлье естественныхъ средствъ для укрѣпленія любви къ Церкви и общенія съ нею. И здѣсь школа представляетъ естественное наилучшее средоточіе и источникъ для подобной просвѣтительной дѣятельности, оправдывая свое назначеніе служенія Церкви и содѣйствія ея возвышеннымъ цѣлямъ.

Нельзя не замѣтить, однако, что это лишь одна сторона дѣла. Богослуженіе православное само по себѣ настолько возвышенно и питательно для души человеческой, что и независимо отъ чтеній о немъ и разъясненій не можетъ не достигать своихъ цѣлей. Храмы пустыютъ не только въ селахъ, но и въ столицахъ, гдѣ, конечно, трудно допустить поголовное непониманіе Богослуженія и недостатокъ лицъ, способныхъ со всею серьезностію относиться къ нему. Очевидно, наряду съ мѣрами къ возбужденію вниманія къ Богослуженію и его объясненію, надлежитъ самое это Богослуженіе поставить на такую высоту истовости и благолѣпія, при которыхъ оно является способнымъ усладить душу. Надо ли скрывать, что этотъ недостатокъ истовости и благолѣпія — большое мѣсто многихъ храмовъ и даже обителей? Взять хотя бы пѣніе, съ упоминаніемъ о которомъ сейчасъ же всплываютъ въ памяти уродливѣйшіе „партесы“ непосвященныхъ, какъ слѣдуетъ, въ свое званіе приходскихъ хоровъ, или — противоположная крайность — черезъ чуръ безыскусственное и небрежное, рѣжущее слухъ нытье *одного*, хотя благоговѣнное унисонное исполненіе многихъ церковныхъ мелодій способно заставлятъ заслушаться не менѣе, какъ и всякое хоровое.

О недостаткахъ церковнаго *чтенія* не устаютъ всѣ писать и говорить. Менѣе говорятъ о недостаткахъ уставности и истовости Богослуженія, хотя это также немалое зло. Мы слышали о храмахъ, гдѣ совершенно не знаютъ каѳизмъ, умиленныхъ тропарей канона (поютъ одни ирмосы подъ рядъ), и даже шестопсалмія. Антифоны, сѣдальны, самогласны и т. под. совершенно сходятъ „на нѣтъ“ даже во многихъ обителяхъ. Гласовые распѣвы до крайности упрощены и ограничены. Умиленнѣйшіе знаменныя напѣвы теперь рѣдкость даже и для обителей. Вмѣсто всего этого, Богослуженіе нерѣдко представляетъ рядъ №№ итальянщины Бортиянскаго и т. п., которой безъ боли не можетъ слушать всякій, кто знаетъ цѣну древнимъ распѣвамъ, въ ихъ неповрежденности.

Наконецъ, послѣдній и уже самый чувствительный ударъ возможности для Богослуженія питать душу молящихся наносить недостатокъ благоговѣнности и сосредоточенной осмысленности при его совершеніи священнослужителями, торопливость, сокращенность и небрежность. Особенно часто это допускается во время будничныхъ службъ, когда мало народа, хотя не слѣдовало бы здѣсь забывать, что приспособленіе къ количеству народа въ дѣлѣ благоговѣнности служенія совершенно неумѣстно, и ведетъ только къ тому, что отълучаетъ народъ отъ охоты посѣщать церковь въ будни, укрѣпляя его въ мысли, что будни нужны только для именинниковъ да для другихъ обязательныхъ случаевъ жизни каждаго. Нѣтъ, „отъ начала (Церкви) не бысть тако“. Вѣрующіе каждый день собирались въ опредѣленные для того мѣста — составить „одну душу и тѣло“ предъ Господемъ и въ общеніи съ Нимъ и другъ-другомъ почерпать силы для достойнаго прохожденія благочестиво-трудовой жизни, которая была предметомъ удивленія для язычниковъ....

Какъ возвратить эти давно-былыя счастливыя времена? И можно ли ихъ возвратить? Хотя бы отчасти—и можно, и слѣдовательно—нужно!.. Можно—при посредствѣ тѣхъ самыхъ *младенцевъ и сущихъ*, изъ устъ которыхъ нѣкогда совершилъ себѣ хвалу „Грядый ко страданію“, не смотря на злѣбные протесты готовившихся быть вскорѣ Его распинателями. И—благодареніе Богу—сдѣланные на этой почвѣ посылы дали уже и теперь добрые всходы: вездѣ, гдѣ школа даетъ лики усердныхъ пѣвцовъ и чтецовъ храму Божію. Богослуженіе оживляетъ, глубже затроги-

ваетъ душу, возвышаетъ, услаждаетъ и питаетъ. Есть добрыя и успѣшныя попытки привлечь школу къ оживленію и будничнаго Богослуженія, какъ напр., при Кіево-Михайловской школѣ, и др. Дать Богъ, и монастыри получаютъ свою немалую крупицу отъ трудовъ школы, получая въ лицѣ пополняющихъ ряды послушниковъ все болѣе и болѣе способныхъ къ чтенію и пѣнію людей, благодаря которымъ уже и теперь монастырская служба настолько превосходитъ приходскую, что посѣщается молящимися и въ будни съ болѣею охотою.

Вмѣсто бібліографіи.

Нѣсколько словъ о „спутникахъ“ пастыря (по поводу книги священника Брояковского „Спутникъ Пастыря“).

Когда вдумываешься въ смыслъ и возможное значеніе многосложнаго пастырскаго служенія, то необходимо приходишь къ заключенію, что всѣ современные попытки дать „спутникъ“ или „настольную книгу“ пастырю показываютъ, съ одной стороны, недостаточное пониманіе того, что дѣятельность каждаго пастыря имѣетъ своеобразную окраску, свой особый характеръ, опредѣляемый составомъ прихожанъ и степенью ихъ духовнаго развитія, а съ другой, избличаютъ нѣкоторую излишнюю самоувѣренность, потому что предлагать своему собрату „спутникъ“ это значить слишкомъ надѣяться на свой пастырскій опытъ и считать его достаточнымъ для разрѣшенія всѣхъ недоумѣнныхъ случаевъ... И намъ кажется, что, давая своему пастырскому опыту названіе „спутника“, авторы, каковыхъ теперь не мало, просто хотять обратитъ благосклонное вниманіе на свой трудъ и привлечь къ нему симпатію, забывая о томъ, что трудно дать всѣмъ пастырямъ, съ ихъ разнообразною пастырскою практикою, одинъ общій спутникъ...

Въ существѣ дѣла, спутникомъ пастыря на вѣчныя времена останется только одна книга—книга жизни, Святое Евангеліе... А желаніе служить благу пасомыхъ, не-

обходимо, по существу дѣла, предполагаемое въ каждомъ пастырѣ, конечно сумѣетъ отыскать въ словѣ Божіемъ всё потребное для развитія духовнаго смысла и разумѣнія пастыря... Итакъ, только излишняя самоувѣренность можетъ, думается, давать своимъ произведеніямъ, своимъ пастырскимъ опытамъ громкія названія. Это говоримъ о „спутникахъ“ и „настольныхъ“ книгахъ вообще. На эти мысли натолкнула насъ одна недавно появившаяся книга священника Серапіона Брояковского (Выпускъ 1-й, 1903 г. прилож. къ журн. Воскр. Чтеніе) подъ названіемъ: „Спутникъ Пастыря“. Мы поинтересовались этой книгой или, точнѣе, сборникомъ статей о. Брояковского послѣ того, какъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, было отмѣчено въ ней одно странное сужденіе автора. Имѣемъ въ виду дѣйствительно странное положеніе, что священникъ, желающій служить примѣромъ воздержанія, „непремѣнно“ долженъ пить вино—рюмку двѣ. И вотъ какъ развивается и оправдывается здѣсь это положеніе: „совершенно не употребляющій вина пастырь не можетъ служить примѣромъ трезвости, если самъ совсѣмъ не пьетъ вина. Напротивъ, видя своего пастыря пьющимъ

вино, но не напивающимся до потери разсудка пасомые найдутъ въ лицѣ его живой примѣръ самообладанія, умѣренности и воздержанія“. Можно удивляться тому, какъ авторъ, знающій, повидимому, о С. А. Рачинскомъ и упоминающій о немъ въ своихъ статьяхъ, упускаетъ изъ виду его основныя воззрѣнія на средства борьбы съ пьянствомъ, гдѣ онъ настойчиво призываетъ (это и въ письмахъ къ своимъ ученикамъ) пастырей къ полному воздержанію отъ винопитія. Нѣтъ, конечно, бѣды въ томъ, если пастырь пьющій вино дома, не захочетъ лицемѣрить и будетъ пить рюмку, двѣ и, въ приходѣ. Но лучше будетъ, если онъ и у себя, и у прихожанъ совершенно воздержится отъ винопитія. *Неллициментарный* отказъ отъ вина придастъ пастырю характеръ *убѣжденно-воздержаннаго пастыря* и не дастъ прихожанамъ повода пить три, четыре и т. д. рюмки, каковой поводъ они могутъ найти, если пастырь ихъ—и тотъ выпиваетъ разрѣшаемое авторомъ „Спутника“ пастырей небольшое количество вина. Впрочемъ, въ бѣглой замѣткѣ мы не намѣрены пока развивать это замѣчаніе. Скажемъ только, что читая книги, подобныя „Спутнику“ о. Брояковского, невольно жалѣешь о томъ, что современные намъ пастыри мало справляются съ опытомъ пастырской практики святыхъ отцовъ. Тамъ, у св. отцовъ, напр. у Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Кипріяна, блаж. Иеронима и др. разсказываются замѣчательные случаи пастырскаго врачеванія общественныхъ недуговъ. И можно пожалѣть, что еще доселѣ нѣтъ труда, въ которомъ давался-бы сводъ святоотеческихъ сужденій по вопросамъ пастырской практики. Это былъ-бы дѣйствительно цѣнный сборникъ сужденій и практическихъ уроковъ изъ высоко-назидательной пастырской жизни. И не нужно думать, что время разнообразить пастырскую практику и дѣлаетъ непригодными прежніе опыты пастырской дѣятельности. Нѣтъ. Въ святоотеческой литературѣ указаны, можно сказать, всѣ основныя точки зрѣнія на нее и на всё послѣдующее время. Къ случаю, замѣтимъ, что, у святыхъ отцовъ Церкви можно найти блестящія разсужденія на тѣ-же темы, которыя ставитъ, напимѣръ и о. Брояковскій въ главахъ 2, 3, 5, 9, 10, 11 и др. И 15 глава „Спутника“, гдѣ авторъ разсказываетъ о рѣдкомъ слу-

чаѣ изъ своей пастырской практики могла бы быть дѣйствительно составлена, изъ рѣдкихъ случаевъ святоотеческой практики...

Конечно, всѣмъ этимъ мы не хотимъ доказать безцѣльность труда о. Брояковского. И онъ, конечно, говорить о нѣкоторой наблюдательности почтеннаго, по сану, автора и имѣетъ право на существованіе, хотя, не скроемъ, это право на ознакомленіе съ нимъ должно пріобрѣтаться нѣсколько дорогою, сравнительно съ его объемомъ и цѣнностью содержанія, цѣною (80 к.)...

Еще нѣсколько словъ о книгѣ о. Брояковского „Спутникъ пастыря“...

Пастырь нашего времени, когда не только въ среду взрослыхъ, но и въ среду подростковъ прокрадываются всякія отрицательныя вѣянія, долженъ зорко слѣдить и за жизнью послѣднихъ. И всякая руководственная книга для пастырей должна включать въ себя, какъ необходимую составную часть, и пастырское душепопеченіе о дѣтяхъ. Это понимаетъ и авторъ „Спутника пастыря“. Поэтому онъ отмѣчаетъ нѣкоторые изъ средствъ вліянія на улучшеніе нравственности дѣтей. Но въ этой части „Спутника“ авторъ, къ сожалѣнію, вообще очень мало говоритъ объ отношеніи пастыря къ дѣтямъ и въ частности не великъ и личный опытъ его по вопросамъ хрістіанской педагогики. Такъ, здѣсь дѣлается, напимѣръ, нѣсколько дѣльных замѣчаній по вопросу о борьбѣ съ великимъ общественнымъ зломъ—съ пьянствомъ при посредствѣ привлеченія къ этой борьбѣ и дѣтей.* На такovýchъ замѣчанія наталкиваетъ автора опытъ и сужденія по данному вопросу незабвеннаго Татевскаго труженника С. А. Рачинскаго. Говорится здѣсь такъ-же и о нѣкоторыхъ другихъ средствахъ борьбы съ общественными пороками, въ которыхъ повинны бываютъ иногда и подростки, но всѣ эти замѣчанія, къ сожалѣнію, носятъ въ большинствѣ случаевъ лишь характеръ попутныхъ оговорокъ.

Чтобы закончить свое замѣчаніе о „спутникахъ“ пастырей вообще и въ частности и въ особенности о недавно появившемся „Спутникѣ пастыря“ о. Брояковского, мы позволимъ себѣ коснуться въ заключеніе вопроса о *систематическомъ чтеніи*, какъ назидательномъ средствѣ воздѣйствія на слушателей и взрослыхъ и подростковъ.

Касаясь этого вопроса, о. Брояковскій, между прочимъ, говорить: „нашъ народъ, безспорно, любить послушать о божественномъ; но если постоянно читать ему о томъ, что *болѣе или менѣе для него извѣстно*, то такія чтенія скоро прискучать. Такъ, напр., главнѣйшія событія изъ священной исторіи нашему народу болѣе или менѣе извѣстны; поэтому для публичныхъ чтеній слѣдуетъ избирать такія событія, которыя ему мало извѣстны... Существуетъ мнѣніе, будто-бы для того, чтобы чтенія были болѣе интересными и полезными, необходимо *вести ихъ систематически*. По нашему крайнему разумнію, такой способъ веденія чтеній всего менѣе можетъ достигать цѣли. Для постоянныхъ посѣтителей рѣчь объ одномъ и томъ-же предметѣ можетъ наскучить“... Мы не думаемъ, что эти разсужденія автора могутъ убѣдить его читателей отказаться отъ *систематическаго чтенія* и отъ обстоятельного ознакомленія слушателей съ священной исторіею. Почтенному автору конечно извѣстно, что почти всѣ безъ исключения святыя отцы заботились только о томъ, чтобы преподавать хрістіанскія истины въ *системъ*... Не боялись они давать пространныя и обстоятельныя характеристики и отдѣльныхъ лицъ изъ священной исторіи и помногу и подолгу говорить объ однихъ и тѣхъ-же предметахъ... И однако слушатели никогда не покидали ихъ. Очевидно дѣло не въ систематичности чтеній и не въ подробномъ изложеніи фактовъ исторіи, а въ личности, ведущей эти чтенія... Опытный чтець съумѣетъ и извѣстнымъ библейскимъ событіямъ придать такое освѣщеніе, что для души слушателя въ нихъ всегда будутъ открываться новыя и новыя поучительныя уроки. Не можетъ, по этому, разумѣется, быть рѣчи и о скукѣ слушателей. Плохой чтець съумѣетъ оттолкнуть слушателей и при разнообразіи темъ, а опытный дастъ хлѣбъ жизни и цѣлымъ рядомъ разсужденій объ одномъ и томъ-же предметѣ. Написалъ-же вѣдь Василій Великій свой пре-

красный Шестодневъ на одну страничку изъ книги Бытія. Вѣдь не наскучивалъ своими бесѣдами святой Златоустъ, предлагавшій пространныя бесѣды на одинъ какой-либо стихъ изъ священной книги... Не утомляютъ слушателей и современные намъ опытные проповѣдники своими назидательными словами, когда предлагаютъ систематическія чтенія, какъ, напримѣръ, катихизическія бесѣды... Тѣмъ болѣе не утомятъ они нашъ простой народъ, такъ любящій, какъ свидѣтельствуешь авторъ „Спутника“, о. Брояковскій, всё „божественное“ и такъ мало знающій о немъ... Вѣдь нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, считать достаточными его знанія библейской исторіи, уроки которой онъ слышалъ въ дѣтствѣ, или во воскреснымъ днямъ, въ храмѣ, при чтеніи слова Божія... Такое знаніе библейскихъ фактовъ никакъ не можетъ отнять права у ведущаго собесѣдованія на болѣе обстоятельное раскрытіе предъ слушателемъ этихъ фактовъ, съ чѣмъ повидимому не соглашается авторъ „Спутника пастыря“, когда замѣчаетъ, что „*событія изъ священной исторіи болѣе или менѣе извѣстны нашему народу*“ (45 стр.) и что „*такія чтенія скоро прискучать*“. Правда, быть можетъ, авторъ, отрицая особую важность „систематическихъ“ чтеній, имѣетъ въ виду какую нибудь особую систему, могущую оттолкнуть слушателей... Но вѣдь подъ системой, въ общепринятомъ смыслѣ, обычно разумѣется послѣдовательное, связанное и толковое раскрытіе тѣхъ или иныхъ истинъ или событій, а не повтореніе одного и того-же... Такая система едва-ли оттолкнетъ симпатію слушателей...

Этимъ мы позволяемъ себѣ закончить нашу замѣтку о „спутникахъ пастыря“ и въ частности относительно „спутника“ о. Брояковскаго, котораго мы коснулись лишь по столько, по сколько онъ затрогиваетъ вопросы, общіе съ педагогикой и знакомые не только пастырю, но и педагогу.

Д. В.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Сентябрь 1903.

Закончился періодъ школьнаго паломничества. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ, въ обители преподобнаго Сергія побывало 26 среднихъ учеб-

ныхъ заведеній съ 1139 учащимися и 69 низшихъ школъ городскихъ, церковно-приходскихъ, земскихъ, министерскихъ и др. съ 2605 учениковъ и ученицъ. Ихъ со-

проводжали учащіе въ числѣ 207 чел. Кромѣ того посѣтили Лавру слушатели московскихъ курсовъ—учителя и учительницы ц.-пр. школъ въ количествѣ 140 чел. и земскихъ и министерскихъ—57. А всего паломниковъ изъ школъ, считая учащихъ и учащихся, было 4178. Мы считали только тѣ учебныя заведенія, которыя обращались къ лаврскому начальству съ просьбою о помѣщеніи и столѣ. Кромѣ такихъ нефѣдко можно было видѣть въ средѣ богомольцевъ группы дѣтей изъ разныхъ другихъ школъ, которыя не сочли нужнымъ обременять обитель подобными просьбами и потому о нихъ не велось никакихъ записей. Обитель радушно принимала юныхъ паломниковъ, предлагала имъ бесплатно „братскій“ столъ и помѣщеніе въ странно-пріимномъ домѣ, въ особыхъ, отведенныхъ для сего номерахъ, хотя послѣднее иногда достигалось и не безъ затрудненій, такъ какъ для сего приходилось иногда просить богомольцевъ освободить номера прежде времени.

Для руководства при обзорѣни лавры назначенъ былъ особый инокъ, который показывалъ юнымъ паломникамъ всѣ достопримѣчательности обители; и наконецъ всѣ такіе паломники приглашались къ о. редактору *Божіей Нивы* въ келліи, гдѣ и велась съ ними духовная бесѣда. Во всѣхъ подобныхъ собесѣдованіяхъ, смотря по составу слушателей и ихъ возрасту, выяснялось имъ историческое значеніе лавры, обрисовывалась дѣятельность преподобнаго Сергія на пользу Руси православной и родной Церкви на пространствѣ полутысячи лѣтъ послѣ его кончины до нашего времени; отмѣчались факты изъ живой современной дѣятельности, въ которыхъ угодникъ Божій является и теперь живымъ, небеснымъ игуменомъ своей обители, благодатнымъ старцемъ-руководителемъ и утѣшителемъ скорбящихъ, исцѣлителемъ болящихъ, заступникомъ обидимыхъ и вразумителемъ тѣхъ, которые уклоняются отъ правыхъ путей спасенія. Иногда въ бесѣдахъ дѣлался выводъ, какъ мы счастливы, что имѣемъ предъ Богомъ такихъ благодатныхъ заступниковъ, что небо такъ близко къ намъ, что для сего и съ нашей стороны необходимо не знать только по книгамъ свою вѣру, но и жить по вѣрѣ. Выяснялось значеніе дѣланія животворящихъ заповѣдей Божіихъ на фактахъ

обыденной жизни по ученію св. отцевъ, на примѣрахъ изъ ихъ житій и изъ современнаго опыта духовно живущихъ людей православныхъ. Иногда бесѣда продолжалась около часа, послѣ чего паломниковъ одѣляли образками (на бумажкѣ) пр. Сергія и книжками изъ изданій редакціи Тр. Листковъ.

Съ утѣшеніемъ можно свидѣтельствовать, что эти бесѣды видимо принимались открытымъ сердцемъ; юные слушатели на прощаньи хоромъ благодарили собесѣдника, иногда пѣли *многая лѣта* и потомъ, по выходѣ, оживленно вели между собою бесѣду по поводу того, что слышали.

Учителями и учительницами говорилось о томъ, какое время мы переживаемъ, какія задачи должны себѣ ставить честные труженики народной школы, указывалось на тѣ благодатныя знаменія, какими особенно посѣтилъ Господь народъ Русскій въ явленіяхъ чудесъ отъ св. мощей новопрославленныхъ угодниковъ Божіихъ и такихъ, какъ чудо спасенія Царской семьи, чудо спасенія Курской святыни и под. Особенно обращалось вниманіе на необходимость *личнаго* подвига въ исполненіи Христовыхъ заповѣдей для того, чтобы успѣшно вести по пути христіанской жизни своихъ питомцевъ...

Теперь можно подвести нѣкоторые итоги такого паломничества. Не будемъ говорить, что годъ отъ году увеличивающееся число подобныхъ паломничествъ уже теперь ставить въ затрудненіе монастырское начальство главнымъ образомъ, какъ мы сказали, въ отношеніи помѣщенія: нужда покажетъ, какъ избѣжать подобныхъ затрудненій на будущее время. Замѣтимъ только, что касательно сего вопроса не худо бы озаботиться тѣмъ, кто устраиваетъ подобныя паломничества, заранѣе: вѣдь можетъ случиться, что при какой-либо уединенной обители вовсе не окажется мѣста внезапно прибывшимъ паломникамъ-школьникамъ въ монастырскихъ помѣщеніяхъ. Невозможнаго нельзя и требовать отъ обителей.

Святая Лавра Преподобнаго Сергія съ своей стороны дѣлала все, что было можно, для того, чтобы цѣль паломничества въ нравственномъ по крайней мѣрѣ отношеніи достигалась, чтобы учащіеся, особенно малыя дѣтки, уходили изъ подъ крова угодника Божія съ сердцемъ, исполненнымъ свя-

тых впечатлѣній, съ настроеніемъ свѣтлымъ, которое оставалось бы возможно дольше въ душѣ будущихъ православныхъ русскихъ гражданъ и сыновъ Православной Церкви. Но вопросъ: все ли дѣлалось для сей цѣли сопровождающими?

Есть одинъ психологическій законъ, который, намъ кажется, необходимо имѣть въ виду при устройствѣ подобныхъ паломничествъ. Этотъ законъ можетъ быть высказанъ такъ: только то намъ становится дорого и мило, что сродняется съ нашимъ сердцемъ посредствомъ *личнаго* нашего участія въ добромъ дѣлѣ... Чѣмъ больше мы вложимъ въ это дѣло своего сердца, своего труда, своего личнаго участія даже въ матеріальномъ смыслѣ, тѣмъ ближе сердцу будетъ то дѣло, въ которомъ мы приняли живое участіе... Смѣемъ думать и даже увѣрить всѣхъ, кто руководитъ школьными паломничествами, что такое *личное* участіе ребенка въ жертвѣ чистой, какъ копѣйка, поданная имъ лично на свѣчку, или затраченная на доброе дѣло какое-бы то ни было, станетъ добрымъ сѣменемъ въ душѣ ребенка, принесетъ добрый плодъ... Въ противномъ случаѣ самое паломничество можетъ обратиться въ прогулку, потерять свой нравственный смыслъ, ибо только то цѣнно, что трудомъ и подвигомъ стяжывается, а что легко достается, то легко и утрачивается, то дешево и цѣнится...

Къ сожалѣнію, въ наше время даже добрые и самые благонамѣренные люди такъ привыкли все дѣлать доброе на чужой счетъ, что это стало какъ бы нормою, правиломъ, обычнымъ явленіемъ. Задумаютъ устроить паломничество и вотъ хлопчуть прежде всего о даровомъ или по крайней мѣрѣ льготномъ проѣздѣ: благо это такъ легко нынѣ устроивается; затѣмъ идутъ въ обитель, иногда очень бѣдную, не толькс въ увѣренности, но какъ бы и въ сознаніи своего права получить отъ нея и помѣщеніе, и столъ—*бесплатно*.... Слова нѣтъ: для такихъ обителей, какъ лавры, это еще не составляетъ бремени: лавра въ теченіи года кормитъ до 400,000 человекъ бесплатно. Чтобы судить о томъ, сколько бываетъ простыхъ богомольцевъ въ нѣкоторые дни въ лаврѣ, довольно сказать, что за три дня 15—17 августа сего года выдано въ хлѣбодарной и страннопитательницѣ до 36,000 порцій хлѣба. На-

кормить лишнихъ 4000 человекъ она, конечно, можетъ. Но для бѣдныхъ монастырей и это уже немалое бремя... Но не то мы хотѣли сказать; а то, полезно ли для самихъ юныхъ паломниковъ такое богомолье, въ которомъ они рѣшительно *ничѣмъ* не жертвуютъ, не расходуются? Когда одна школа принесла редактору *Божіей Нивы* на память въ даръ чайную чашку—издѣліе той фабрики, откуда пришли дѣти, то онъ сказалъ дѣтямъ: „спасибо вамъ, дѣти, за вашъ подарокъ: не дорогъ подарокъ—дорога ваша любовь. Но когда я взялъ въ руки вашу чашку, знаете ли, что мнѣ пришло на мысль? А поставили ли дѣтки общую свѣчку угоднику Божію? Вѣдь не я, а онъ, преподобный, здѣсь хозяинъ“. При этихъ словахъ дѣти всѣ переглянулись и какъ-то вопросительно посмотрѣли на своихъ руководителей, которые ихъ сопровождали... Видно было, что сего сдѣлать руководители не догадались. Между тѣмъ эта общая свѣчка какъ много принесла бы добраго чувства сердечку каждаго дитяти-богомольца.. Вотъ тутъ-то и имѣетъ мѣсто тотъ духовный законъ, о коемъ мы выше упомянули.

Вотъ почему мы придаемъ особенное значеніе тѣмъ богомольнямъ дѣтей—паломниковъ, которыя совершаются не по желѣзнымъ дорогамъ, не съ разными льготами и удобствами, а пѣшимъ хожденіемъ, съ молитвою и церковнымъ пѣніемъ въ пути. Вотъ почему особенно пріятно отмѣтить, что многія школы просили (и конечно получили) позволеніе проѣхать въ лаврѣ раннюю литургію, сами пѣли молебень у мощей угодника Божія, пѣшкомъ ходили въ окрестныя обители: скитъ, Виоанію, киновію, пещеры.. Такое пріутружденіе, соединенное съ посильною жертвою, не могло оставаться безслѣднымъ для дѣтской души: оно являлось уже не прогулкою, не „экскурсіей“, а истиннымъ паломничествомъ...

Мы заедемъ одну школу, въ которой дѣти, задумавъ еще съ осени путешествіе на богомолье въ ту или другую обитель, начинали понемногу готовиться къ этому путешествію: они читали, подъ руководствомъ своихъ учителей, описаніе той обители, куда собирались, житіе того угодника Божія, мощи коего тамъ почивали; снѣвались для исполненія тропаря и кондака на молебнѣ, который будутъ пѣть въ обители; они стоваривались заранѣе, что по-

жертвовать угоднику Божию отъ своего усердія: дѣвочки обшивали полотенчико изъ куска холста материнской работы; мальчики откладывали копѣчки изъ тѣхъ денегъ, какія имъ попадали въ руки отъ продажи грибовъ и ягодъ, ими собираемыхъ, чтобъ потомъ употребить эти копѣчки на общую свѣчку угоднику Божию, на покупку себѣ образочковъ и книжекъ въ обители, на путевые расходы при предстоящемъ путешествіи. Въ теченіи зимы они такимъ образомъ сживались съ мыслию о предстоящемъ паломничествѣ и мечтали о немъ какъ о свѣтломъ праздникѣ всей своей школы.

Но и этого мало. Надобно помнить, что въ святыхъ обителяхъ дѣти сойдутся лицомъ къ лицу съ тысячами паломниковъ, съ тѣми православными русскими людьми, которые какъ бы олицетворяютъ собою народное русское благочестіе. Если художники и этнографы нарочито пріѣзжаютъ въ наиболѣе чтимыя обители, чтобъ тутъ наблюдать и изучать типы народонаселенія разныхъ областей Русской земли, то какъ же не воспользоваться случаемъ обратиться особенное вниманіе дѣтей—паломниковъ, въ пѣляхъ ихъ духовнаго воспитанія, на эту смиренномощающую Русь, какъ не сказать имъ: вотъ, дѣти, смотрите, какъ молится въ простотѣ сердца эта старушка въ бѣломъ балахонѣ: она навѣрное пришла изъ Тамбовской или Рязанской губерніи; смотрите, вотъ женщина черпаетъ на коловѣ воду, чтобъ смочить свои сухарики, она питалась ими всю дальнюю дорогу, и вѣроятно пришла, судя по одежѣ, откуда нибудь изъ Симбирской губерніи: а тотъ старичекъ навѣрное—казакъ изъ-подъ Кавказа или Сибири... Посмотрите, какъ загорѣли они въ долгомъ пути, но какую радостью, какимъ умиленіемъ дышать ихъ лица!.. Вотъ старушка идетъ изъ собора и отираетъ слезы: спросите ее, о чемъ она плачетъ? навѣрное скажетъ: „съ угодникомъ прощалась“... Прислушайтесь: вотъ въ хлѣбодарной проситъ себѣ кусочекъ на благословеніе эта женщина: монахъ ей предлагаетъ сѣсть за столъ, пообѣдать, но она отвѣчаетъ: „мнѣ грѣхъ обѣдать здѣсь, я не дальняя“. А откуда?—„Да верстъ 60 отсюда“... Какая у нея чуткая совѣсть!.. Она прошла только какихъ-нибудь 60 верстъ—это ничтожный, по ея мнѣнію трудъ, „пустъ, разсуждаетъ она, обѣдаютъ

тѣ, которые побольше меня потрудились, прошли сотни и тысячи верстъ, а мнѣ кусочка хлѣбца довольно на благословеніе“.... А ты почему не садишься, почтенная старушка? — „Я еще не сподобилась приложиться къ угоднику, говорить она: надо вѣдь это сдѣлать на тощакъ“. Но на монастырской колокольнѣ бьетъ уже 4 часа: время вечерни. И ей придется еще стоять часа полтора-два, пока окончится вечерня и она, стоя въ очереди, подойдетъ къ св. мощамъ... Вотъ сидятъ у воротъ нищѣ-калѣки: издалека пришли они сюда, или лучше сказать приползли при помощи своихъ костылей: мѣстнымъ обывателямъ не позволяютъ въ обители промышлять попрошайствомъ. На грошики, имъ подаваемые отъ богомольцевъ, они перекочевываютъ отъ святыни къ святынѣ, напѣвая духовные стихи объ Алексіѣ Человѣкѣ Божиѣмъ или о Лазарѣ... А какъ умѣютъ молиться простые русскіе люди!.. Да вѣдь этотъ старичекъ или эта старушка смотрите—просто *бесѣдуютъ* съ угодникомъ Божиимъ какъ съ живымъ... Какіе чудные примѣры вѣры, смиренія, молитвы, терпѣнія и любви можно видѣть здѣсь, у подножія святынь родныхъ! Какъ все это можетъ глубоко залечь въ нѣжное, чистое дѣтское сердце! Вѣдь тутъ дѣти свободно, открытой душой, *жизненно* лицомъ къ лицу соприкасаются съ благочестіемъ народнымъ, и если свѣтскіе люди, всю жизнь проведеніе въ сутолокѣ городской цивилизаціи внѣ соприкосновенія съ народною душой, сознавались, что послѣ посѣщенія святыхъ нашихъ обителей въ ихъ духовномъ существѣ происходила, подъ влияніемъ такого соприкосновенія, благодатная перемѣна, то что же сказать о дѣтской душѣ? Какое сокровище она можетъ вынести изъ обители на всю жизнь!... Съ какимъ восторгомъ дѣти будутъ по возвращеніи рассказывать своимъ домашнимъ, которымъ Богъ еще не привелъ побывать у святынь, о томъ, что они тамъ видѣли и слышали!.. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ихъ добрыхъ сердечкахъ будутъ загораться огоньки благодатной любви къ родной Церкви, къ духовной жизни, къ мѣстамъ особенно дорогимъ для русскаго сердца... Не давно, проѣзжая съ однимъ изъ иноковъ лаврскихъ черезъ „Поклонную“ гору на московскомъ шоссе, я услышалъ отъ него теплое воспоминаніе о далекомъ дѣтствѣ: „вотъ до

этого мѣста шелъ я изъ лавры въ дѣтствѣ съ своею бабушкой *задомъ*, и все смотрѣлъ на святую лавру: глазъ отъ нея оторвать не могъ... Наконецъ, вотъ тутъ мы остановились, еще разъ до земли поклонились отсюда святой обители, отерли слезы на глазахъ и пошли дальше.. Черезъ минуту я обернулся еще разъ, но лѣсъ скрылъ уже отъ насъ золотыя главы обители... И на душѣ такъ стало—грустно-грустно.. такъ бы и вернулся опять... Ровно черезъ 20 лѣтъ я снова пришелъ сюда съ сумкою за плечами, чтобы уже не выходить отсюда никогда.. И вотъ, по милости угодника Божія, живу тутъ уже около сорока лѣтъ "... Вотъ что можетъ сдѣлать настоящее дѣтское паломничество...

Мы указали на нѣсколько мелкихъ, по-видимому, фактовъ; ихъ можно было бы привести множество; они встрѣчаются каждый день, на каждомъ шагу, въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ. Да, они не видны обыкновенному наблюдателю, они мало замѣтны, мы къ нимъ какъ-то привыкли, присмотрѣлись, они насъ не удивляютъ... Но вѣдь въ нихъ-то и отображается, какъ въ зеркалѣ, народная православная душа; въ нихъ такъ много поучительнаго не для дѣтей только, что грѣшно проходить мимо ихъ безъ вниманія; и благо тому руководителю юныхъ паломниковъ, который сзумѣетъ ихъ подмѣтить и указать своимъ питомцамъ.

Пусть же такія путешествія будутъ не случайностью въ школьной жизни, а такимъ явленіемъ, которое органически входитъ въ воспитаніе дѣтской души; пусть они

оставляютъ глубокой—на всю жизнь слѣды въ сердцѣ ребенка, чтобы онъ и тогда, когда станетъ взрослымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, съ любовью воспоминалъ о своемъ дѣтскомъ паломницествѣ, чтобы сердце влекло его освѣжить пережитыя имъ тогда впечатлѣнія отъ святынь новымъ подвигомъ паломничества, чтобы онъ по томъ сознательно умѣлъ передать и своимъ дѣтямъ свѣтлыя воспоминанія своего дѣтства о такомъ паломницествѣ, и въ нихъ зажечь тотъ же огонекъ любви къ святынямъ родной земли.

Только тогда и будутъ такія паломничества вполне достигать своей святой цѣли. Иначе они будутъ только прогулками, какими, къ глубокому сожалѣнію и являются уже такъ называемыя „экскурсіи“ молодыхъ людей съ разными яко бы образовательными цѣлями. Въмѣсто пользы они, пожалуй, принесутъ только вредъ, пріучая юное поколѣніе къ бродяжничеству, къ праздному шатанію, къ жизни на чужой счетъ. И со скорбію смотришь на такихъ „экскурсантовъ“, какъ они скорымъ шагомъ пробѣгаютъ по лаврѣ, буквально „обозрѣваютъ“, обводятъ глазами ея святыни, входятъ въ храмы и не ограждаютъ себя даже крестнымъ знаменіемъ, будто нехристіи какіе; подходятъ къ мощамъ угодника Божія и не считаютъ нужнымъ не только молебень служить, но и просто хотя бы приложиться къ мощамъ... Да хранитъ Богъ нашу школу народную, будь то церковная или земская, будь то школа низшая или высшая, отъ такихъ экскурсій и экскурсантовъ!..

СОДЕРЖАНІЕ: Нашимъ читателямъ. Редак. *Архим. Никона*.—Русская школа подъ натискомъ иноземнаго вліянія. *Димитрія Введенскаго*.—Порочные школьники. Свящ. *І. Молебнова*.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Молитва. (Изъ записокъ сельскаго учителя). Учит. *С. Козубовскаго*.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Вмѣсто бібліографіи. *Д. В.*—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 10-я (четыре статейки). 2) „Троицкій Листокъ“ дополнительнаго счета № 186: „О томъ, какъ повелось въ сельскомъ приходѣ общее церковное пѣніе“.

При этомъ № разсмывается объявленіе отъ Товарищества Русско-Французскихъ Заводовъ Резиноваго, Гуттаперчеваго и Телеграфнаго производствъ „ПРОВОДНИКЪ“—РИГА.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Сентября 25 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Бгльевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ садъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.

О ТОМЪ, КАКЪ ПОВЕЛОСЬ ВЪ ОДНОМЪ СЕЛЬСКОМЪ ПРИХОДѢ ОБЩЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ПѢНІЕ.

Тому приходилось слышать общенародное церковное пѣніе, тотъ никогда не забудетъ тѣхъ умилительныхъ чувствъ, какія вызываетъ оно въ душѣ. Кажется тогда, что сами стѣны храма поютъ со всѣмъ народомъ. Кажется, что съ великимъ дерзновеніемъ вѣры эта общенародная стройная хвала Богу возносится къ престолу Божию, и что съ высоты небесъ Господь благословляетъ благословеніемъ благодѣтельнымъ воспѣвающихъ Ему людей.

Одинъ священникъ, захватившій въ сельскую мѣстность Вятской епархіи, былъ приглашенъ отслужить въ одной деревнѣ два молебна: сперва частный въ домѣ крестьянина и потомъ общественный. Подъѣзжая еще до свѣта къ деревнѣ, священникъ услышалъ доносившееся къ нему по вѣтру пѣніе. Священникъ съ грустью подумалъ, что, вотъ, сельская молодежь идетъ на встрѣчу иконамъ (священникъ опередилъ крестный ходъ) и поютъ мірскія пѣсни. Но, когда толпа подошла ближе, онъ съ радостью различилъ церковный напѣвъ и священныя слова: *Надеждо ненадежныхъ, Ты ми помози.* То крестьянскія женщины и дѣвушки воспѣвали священную пѣснь Богоматери. Съ облегченнымъ сердцемъ священникъ продолжалъ свой путь, какъ опять кучка народа, опять пѣніе: раздаются величественныя выраженія тропаря святителю и чудотворцу Николаю: *Правило вѣры и образъ кротости.* Подъ самой деревней новая встрѣча, поютъ и тутъ богородиченъ: *Кто Тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво, кто ли не воспоетъ Твоего пречистаго рождества...* Пѣли всѣ безъ крику, безъ визгу, а стройно, дружно, и отчетливо и задушевно.

Едва священникъ приготовился въ избѣ къ молебну, облачился, положилъ на столѣ крестъ и евангеліе, зажегъ свѣчи, приготовилъ воду для освященія, какъ подъ окнами снова раздалось пѣніе—и церковныя иконы были внесены въ избу. Священникъ съ причтомъ началъ молебенъ, и едва лишь запѣлъ: *Богъ Господь* предъ тропарями, какъ народъ подхватилъ: пѣли всѣ, пѣла вся изба, и ребятишки, забравшись на палаты, вторили оттуда, не сбиваясь въ словахъ, своими свѣжими серебристыми голосами. Иногда даже, заслушиваясь пѣнія народа, причтъ оставлялъ ихъ пѣть однихъ, и пѣніе шло гладко, исправно, безъ запинки, какъ на клиросѣ у хорошо спѣвшихся пѣвчихъ.

Окончивъ молебствіе въ домѣ, проводили иконы въ поле, гдѣ

была собрана вся деревня, даже матери съ грудными дѣтьми

Начался молебенъ. И теперь пѣла не одна изба, и не одна даже деревня, но и всѣ жители окрестныхъ деревень, пришедшіе встрѣтить иконы: мужчины и женщины, дѣвушки и дѣти годовъ съ восьми. Прекрасенъ былъ видъ этой сосредоточенной, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, толпы, въ ночной темнотѣ. Пылающіе огни зажженной соломы или хвороста освѣщали обширное, покрытое снѣгомъ, но уже засѣянное, поле. Во время возгласовъ священника, прерывавшихъ пѣніе, слышались вздохи и молитвенный шопотъ толпы.— Вотъ, прочтено Евангеліе со словами: *Просите, и дастся вамъ*, началось водосвятіе. При погруженіи креста въ воду *Спаси, Господи, люди Твоя* было спѣто съ такимъ воодушевленіемъ, что самое жестокое сердце почувствовало бы въ эту минуту близость Божества къ этимъ людямъ.— Вотъ, настала минута „молитвы надъ сѣяніемъ“, и послѣ троекратно воспѣтаго *Господи помилуй* толпа опустилась на колѣни, и раздались слова, полныя вѣры въ зиждительную силу Творца: „Господи Боже нашъ, отъ пречистыя и пребогатыя длани Твоя предлежащее предъ очима Твоима, сѣмень подаяніе принесохомъ, Владыко, и сему Тебѣ вручителия молимся. Не бо смѣяхомъ въ бездушныхъ земли нѣдрѣхъ заключити сія, аще не воззримъ на повелѣніе Твоего величества, повелѣвающее родити и прозябати земли, и дати сѣмена сѣющему и хлѣбъ въ снѣдъ. И нынѣ молимся Тебѣ, Боже нашъ, услыши ны, молящіяся Тебѣ, и отверзи намъ сокровище Твое великое и благое и небесное. Излей благословеніе Твое, донелѣже удовлимся, по неложнымъ Твоимъ обѣщаніямъ. И отжени отъ насъ вся снѣдающія плодъ нашъ земный, и всякое наказаніе праведно наводимое на ны, грѣхъ ради нашихъ, и богатыя Твоя щедроты ниспосли на вся люди Твоя“. И, смотря на толпу молящуюся этими словами, произносимыми священникомъ, вспоминалось разсужденіе одного опытнаго проповѣдника: „Всмотритесь пристальнѣе, и вы почувствуете всю полноту и силу молитвы крестьянина. Молится дитя, которое не умѣетъ еще трудиться, но уже просить хлѣба; молятся отецъ и мать, которымъ нужно пропитывать семейство; молится глубокій старецъ, который въ жизни своей много видѣлъ и лѣтъ плодородныхъ и годовъ неурожайныхъ, и который опытомъ вѣдаетъ великую радость урожая и скорбь и ужасы неурожая“.

По окончаніи молебна иконы понесли въ село; чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ густѣла толпа, и тѣмъ могучѣе гремѣлъ хоръ. Весь молебенъ и добрую часть литургіи пѣлъ народъ, и тутъ,

дѣйствительно, исполнились слова: единымъ сердцемъ и едиными устами исповѣдывать Бога.

По окончаніи обѣдни пріѣзжій священникъ узналъ, что храмъ этого села всегда полонъ народомъ и что въ него ходятъ даже окрестные раскольники, хваля богослуженіе и пѣніе.—Разказали крестьяне, что въ лѣтнюю пору часто во время страды подъ вечеръ раздается церковное пѣніе: это крестьяне, измученные трудомъ, идя съ поля, облегчаютъ усталость пѣніемъ молитвъ, особенно же излюбленной ими: *Высшую небесъ и чистіую свѣтлостей солнечныхъ, избавльшую насъ отъ клятвы Владычицу міра пѣнемъ почтимъ.*

Вся эта любовь крестьянъ къ церковному пѣнію была дѣломъ мѣстнаго священника, о. Димитрія. Двадцать лѣтъ служба въ приходѣ, онъ ласкою, поученіемъ и доброю жизнію привязалъ къ себѣ прихожанъ. Для развитія въ приходѣ церковнаго пѣнія, онъ взялъ на воспитаніе 25 мальчиковъ, присланныхъ въ ту мѣстность изъ Воспитательнаго Дома. Обучая ихъ, онъ нанялъ знающаго пѣніе причетника, и съ дѣтьми самъ учился у него пѣнію. Мальчики стали по праздникамъ пѣть въ церкви по нотамъ. Это правилось крестьянамъ. Тогда о. Димитрій сталъ обучать пѣнію мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей; чтобъ дѣти не забывали пѣнія во время вакаціи, о. Димитрій требовалъ, чтобы они пѣли дома и пріучали къ пѣнію своихъ домашнихъ и товарищей, и слѣдилъ за этимъ, посѣщая ихъ деревни. Когда случалось пріѣхать въ деревню съ требой, онъ, исправивъ потребу, собиралъ дѣтей въ избу и повторялъ съ ними то, что было заучено. Во время крестныхъ ходовъ или обходя со крестомъ приходъ на Рождествѣ и Пасхѣ, онъ требовалъ, чтобъ его спутники участвовали съ нимъ въ пѣніи молебна. Все это развило охоту къ церковному пѣнію, а мальчики, хорошо обучившись ему въ школѣ, распространяли свое знаніе въ своихъ семьяхъ. Такъ какъ простолодину очень лестно и отрадно слышать и видѣть, какъ его сынишка читаетъ на клиросѣ: то болѣе опытнымъ въ пѣніи дозволялось пѣть и читать на клиросѣ, что возбуждало соревнованіе. Крестьяне пѣли такъ стройно, что о. Димитрій дозволилъ многія молитвы пѣть всей церкви. А всякой молебенъ въ томъ приходѣ можно было служить безъ причетника, и совершенно отчетливо.

Въ воскресные и праздничные дни между утреней и обѣдней о. Димитрій, собирая прихожанъ, объяснялъ имъ молитвы и катихизисъ, и заставлялъ ихъ пѣть тропари, причемъ вновь пришедшіе, вступая въ спѣвшійся хоръ, сами

быстро выучивались пѣнію. А о. діаконъ занимался обученіемъ пѣнію дѣвочекъ.

И во всемъ томъ приходѣ и взрослые, и дѣти отчетливо знали и ясно понимали молитвы. И эти молитвы, когда мальчики поютъ ихъ долгое время, входятъ въ сердце глубже, чѣмъ когда только выучиваютъ ихъ наизусть въ школѣ, а потомъ и забываютъ ихъ послѣ выхода изъ школы. И какъ легко, подпѣвая хору, заучить много молитвъ, и если ужъ разъ пѣлъ ихъ, невольно захочется пѣть, когда душа потребуетъ пѣсни. Простой русскій человекъ любитъ услаждать пѣніемъ радость и горе, трудъ и отдыхъ. Взгрустнулось ему—онъ можетъ припомнить молитвенный стихъ, соотвѣтствующій тому, что переживаетъ, и тѣмъ усладить свое горе. Веселье—опять можетъ выбрать радостную церковную пѣсню, и не только излить въ немъ свою радость, но и освятить эту радость...

На сколько размышленій наводитъ этотъ правдивый рассказъ! Стыдно сказать: иностранцы прилежнѣе Русскаго народа къ своимъ церковнымъ пѣснямъ. Путешественники передаютъ, что за дальнимъ океаномъ, въ Америкѣ, молодежь во время прогулокъ, часто оглашаетъ воздухъ священными гимнами. Вѣдь все, и радость, и горе, отъ Бога. И эта радостная молодежь лишь исполняетъ слово апостольское: *благодарюствуетъ ли кто, да поетъ!* Не дастъ ни одна мірская пѣсня душѣ той глубокой отрады, не приласкаетъ такъ душу, не укрѣпитъ ее, какъ священные напѣвы церковные. Въ наше время правительство прилагаетъ все стараніе къ тому, чтобы чрезъ церковно-приходскія школы ввести народъ въ постоянное общеніе съ Церковью, и приучить народъ усерднѣе служить Церкви. Всячески поощряется и церковное пѣніе. Дѣти и взрослые, помните, что, воспѣвая Богу, вы уподобляетесь ангеламъ, что всякая минута духовнаго пѣнія во благо душѣ. О, еслибъ отъ мала до велика вся православная Россія умѣла звучно и стройно пѣть Господеви! Какъ бы чище и лучше стала бы тогда вся Русская жизнь!

Благословеніе Обители Преподобнаго Сергія.

„Троицкіе Листки“
выходятъ безсрочно. Цѣна
за 100 листковъ 70 к., съ
пересылкою 90 к.

Дополнительнаго
счета
№ 186.

Адресъ:
Сергіевъ посадъ, Московской
губ., въ Редакцію „Троицкихъ
Листковъ“.

Печатать дозволяется. Виенавія. Сентября 20 дня, 1903 года. Цензоръ,
Ректоръ Виенавской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкія Сергіевы Лавры.

НЕБЕСНЫЕ ПОРУЧИТЕЛИ.

какъ для увѣренія въ чемъ-нибудь особенно важномъ, люди обыкновенно предлагаютъ свидѣтелей, очевидцевъ того, что они утверждаютъ, — такъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, призываютъ во свидѣтели само небо, Самого Господа, или святыхъ Его. Страшна эта клятва: Богъ не бываетъ поругаемъ, и клятвопреступники кромѣ страшнаго осужденія, которое услышатъ себѣ на послѣднемъ судѣ Христовомъ, — бывають часто жестоко наказаны и здѣсь, на землѣ.

Между тѣмъ въ наше время, особенно среди простого народа, въ высшей степени легко смотрять на божбу. Побожиться въ томъ, чего завѣдомо нѣтъ, божбою прикрыть наглую ложь: все это почитается не за страшное преступленіе, не за глумленіе надъ страшнымъ и для ангеловъ именемъ Божиимъ, а ничтожнымъ, извинительнымъ проступкомъ. Подойдите къ спорящимъ жарко крестьянамъ, особенно гдѣ-нибудь на торгу, напимѣрь при продажѣ лошадей на конныхъ дворахъ. Такъ въ воздухѣ и стоитъ безумная, преступная божба. Только и слышишь: „Ей Богу“, „Вотъ какъ Богъ святъ“, „Убей меня Богъ на этомъ мѣстѣ“, — и для подкрѣпленія своихъ завѣдомо ложныхъ утвержденій, въ которыя эти люди не вѣрятъ прежде всего сами, они крестятся разными нечистыми и ежедневными продѣлками и плутнями.

Ни въ одномъ христіанскомъ народѣ нѣтъ такого грѣховнаго отношенія къ божбѣ, какъ у русскихъ! Это одинъ изъ величайшихъ недостатковъ русскаго человѣка.

Кого зовутъ во свидѣтели лжи? Бога, источника правды, святыхъ Его, всю жизнь стоявшихъ и умершихъ за правду. Чѣмъ же могутъ воздать Господь и святые за такое оскорбленіе, за такое надругательство надъ собою, какъ не грознымъ осужденіемъ на вѣчную муку?

Возьмемъ у святыхъ примѣръ того, какъ надо держаться своего слова, и какъ они награждаютъ тѣхъ, кто, въ крайней нуждѣ призвавъ ихъ во свидѣтели своихъ поступковъ, лучше умретъ, чѣмъ нарушитъ то, въ чемъ клялся ихъ именемъ.

Въ настоящей бесѣдѣ будетъ рассказано, какъ св. великомученикъ Мина вразумилъ двухъ людей, не исполнившихъ своихъ обѣтовъ, какъ св. Николай спасъ на Руси отъ смерти человѣка, призвавшаго его во свидѣтели и готоваго соблюсти свою клятву цѣною своей жизни; и, наконецъ, какъ покаралъ еще на землѣ Господь одного клятвопреступника.

Одинъ христіанинъ былъ въ дружбѣ съ евреемъ. Отправляясь въ дальнее путешествіе, еврей вручилъ христіанину на сохраненіе ковчегъ съ тысячею золотыхъ монетъ. Въ

отсутствіи онъ пробыль дольше, чѣмъ думаль. Хрістіанинъ же задумаль въ это время нечестивое дѣло. Онъ рѣшилъ не отдавать золота и сказать, что никогда не получаль ничего отъ еврея на храненіе. Наконецъ еврей вернулся и спросилъ ковчегъ.—„Не знаю, отвѣчалъ, заранѣе приготовивъ свой отвѣтъ, хрістіанинъ. Я отъ тебя ничего не получаль“. Можно представить себѣ скорбь еврея, который, какъ видно, былъ человѣкъ довѣрчивый.—„Братъ, никто не знаетъ объ этомъ, только единый Богъ, сказалъ еврей. И если ты отрицаешь, что получилъ золото — то подтверди это клятвою. Пойдемъ въ храмъ святаго Мины, и тамъ поклянись, что ты не получаль отъ меня золота“. И они пошли въ церковь, гдѣ хрістіанинъ подтвердилъ клятвою свои слова.

Выйдя изъ церкви, они сѣли на своихъ лошадей. Лошадь хрістіанина стала бросаться въ стороны, сбросила, наконецъ, своего всадника на землю; и въ это время съ его руки упалъ перстень, а изъ кармана вывалился ключъ... Но онъ поднялся съ земли, поймалъ лошадь и опять сѣлъ на нее. Они поѣхали дальше. Черезъ нѣсколько времени они остановились и, пустивъ лошадей пастись на лугу, сами присѣли отдохнуть.—И вотъ, видитъ хрістіанинъ, идетъ къ нему его рабъ, и держитъ въ одной рукѣ ковчегъ еврея, а въ другой перстень, упавшій съ его руки съ ключемъ. Видъ этихъ предметовъ привелъ хрістіанинина въ ужасъ, а рабъ его сказалъ ему: „какой-то грозный воинъ на конѣ пріѣхаль къ нашей госпожѣ, далъ ей ключъ съ перстнемъ и сказалъ: „пошли скорѣй ковчегъ еврея твоему мужу, чтобъ не быть бѣдѣ“... И госпожа поручила мнѣ отнести все это къ тебѣ“.—Въ ужасѣ дивились и хрістіанинъ, и еврей чуду святаго Мины. Оба они возвратились въ храмъ его. Хрістіанинъ просилъ у еврея прощенія, а еврей просилъ крестить его. И славили оба, крещенный и прощенный, дивное вразумленіе великомученика.

Одинъ богатый житель Александріи, по имени Евтропій, далъ обѣтъ пожертвовать въ церковь св. Мины серебряное блюдо, и заказаль серебряннику два блюда; на одномъ велѣлъ вырѣзать надпись: „блюдо св. великомученика Мины“, на другомъ: „блюдо Евтропія, гражданина Александрійскаго“.—Блюда эти взяты имъ были въ морское путешествіе. Сравнивая ихъ, онъ нашель, что блюдо для церкви вышло много красивѣе его блюда, и онъ велѣлъ рабу подавать ему пищу на этомъ блюдѣ, рѣшивъ свое блюдо пожертвовать въ церковь. Какъ-то послѣ обѣда слуга, наклонясь за бортъ, сталъ мыть блюдо, сдѣланное для церкви св. Мины, какъ изъ воды явился грозный мужъ, и, выхвативъ у раба блюдо, скрылся въ пучинѣ морской. Рабъ съ отчаянія бросился въ воду. Все это видѣлъ его господинъ. Онъ узналъ теперь на дѣлѣ чудотворную силу св. Мины и, упрекая себя за неисполненіе обѣта, далъ новый обѣтъ —

если тѣло раба его найдется—пожертвовать въ церковь св. Мины такое же блюдо. Они пристали къ берегу, и скоро изъ волнъ морскихъ вышелъ съ блюдомъ его рабъ, славя св. Мину. Когда рабъ бросился въ море, великомученикъ принялъ его на руки и спасъ его....

Столь же чудно какъ св. Мина покаралъ, такъ наградила св. Николай одного русскаго несчастнаго человѣка.

Князь Теодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, котораго Петръ Великій прозвалъ княземъ — Кесаремъ, завѣдывалъ при этомъ государѣ Преображенскимъ приказомъ, который вѣдалъ дѣла о преступникахъ. Суровъ, жестокъ былъ Ромодановскій, но былъ набоженъ и особенно почиталъ святителя Николая чудотворца. Однажды, въ канунъ Николина дня, колодникъ, содержавшійся за убійство, просилъ, чтобы его допустили къ князю и, упавъ ему въ ноги, умолялъ отпустить его домой, провести съ родными послѣдній праздникъ, такъ какъ его, конечно, скоро казнятъ. Много видовъ видалъ князь—Кесарь, но и онъ обомлѣлъ предъ этой неслыханной дерзостью.—„Какъ ты смѣешь объ этомъ просить?“ закричалъ онъ.—„Помилуй, отецъ, отвѣчалъ колодникъ, за эту милость святитель Николай воздастъ тебѣ сторицею“.

Эти слова смягчили князя.—„Кто же за тебя поручится?“ спросилъ онъ.—„Самъ святой угодникъ. Онъ не попуститъ мнѣ солгать“, сказалъ колодникъ.

Крѣпко задумался князь. Но живая вѣра его въ силу угодника Божія взяла верхъ надъ человѣческими соображеніями. Заставилъ онъ разбойника поклясться, что тотъ вернется, и отпустилъ его.

Черезъ враговъ князя узналъ о томъ царь, пріѣхалъ къ Ромодановскому, спросилъ, правда ли, что онъ отпустилъ разбойника.—„Только на пять дней, спокойно отвѣчалъ князь, проститься съ родными“.—„Да какъ же ты рѣшился повѣрить злодѣю?“ сказалъ царь.—„Онъ далъ мнѣ порукою въ томъ святителя Николая. Онъ не попуститъ ему солгать“, отвѣчалъ князь.—„Онъ убилъ человѣка, горячился Императоръ: что жъ ему стоитъ солгать святому? Онъ знаетъ, что его казнятъ. Не пойдетъ же онъ теперь на плаху“.—„Но князь стоялъ на своемъ.—„Ну, дядя, сказалъ раздосадованный государь: смотри, чтобъ не пришлось тебѣ отвѣчать за него“.

Но преступникъ вернулся въ назначенный день, благодаря князя и готовый къ смерти. Князь поѣхалъ доложить о томъ государю. Государь потребовалъ убійцу къ себѣ и спросилъ его, какъ онъ, зная, что его казнятъ, рѣшился вернуться.—„Я далъ въ томъ порукою святителя Николая, отвѣчалъ тотъ. Еслибъ я вздумалъ бѣжать, онъ не попустилъ бы, все равно, мнѣ скрыться; я былъ бы пойманъ, и понесъ бы еще болѣе лютую казнь. Да кромѣ того, я знаю, что заслужилъ смерть“. Она искупила мою вину, и я праготовился теперь умереть“.

Призадумался теперь и царь надъ вѣрою этого, хоть низко падшаго, но не погибшаго человѣка. Онъ никогда не прощаль убійць. Но тутъ онъ умилился духомъ, отмѣнилъ казнь и послалъ этого человѣка солдатомъ въ одинъ изъ Сибирскихъ полковъ.

Одинъ священникъ и діаконъ жили не въ ладу между собою, и все взаимно подозрѣвали другъ друга. Это было въ тѣ дни, какъ въ Саровской пустыни яркимъ духовнымъ свѣточемъ сіяла великая жизнь дивнаго старца Серафима. Священникъ донесъ архіерею о неблаговидномъ поступкѣ діакона. Діаконъ уговорилъ свидѣтеля его проступка—хозяина того дома, гдѣ былъ совершенъ поступокъ, присягою подтвердить, что онъ этого не дѣлалъ. И священникъ былъ оставленъ въ подозрѣніи въ клеветѣ, а діакона наградили, перевели въ г. Спасскъ. Вскорѣ послѣ перехода въ новый приходъ діаконъ отправился въ Саровъ, гдѣ посѣтилъ о. Серафима. Прозорливый старецъ вышелъ ему на встрѣчу, но обернулъ его къ себѣ спиной, говоря: „поди, поди отъ меня—это дѣло не мое“... Когда онъ во второй разъ пришелъ къ старцу, о. Серафимъ снова не пожелалъ съ нимъ бесѣдовать, а сказалъ ему только: „поди, поди, клятвopеступникъ, и не служи!“ Ничего не сдѣлалъ діаконъ, какъ бы слѣдовало, не очистилъ совѣсть исповѣданіемъ своего тяжкаго грѣха и вернулся домой. Когда пришла ему очередь служить въ церкви, онъ, при произнесеніи предъ литургіей словъ псалма: „Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвъстятъ хвалу Твою“, вдругъ онѣмѣлъ и не могъ выговорить ни слова. Онъ долженъ былъ уйти изъ церкви. Три года былъ связанъ его языкъ: всюду онъ могъ говорить, но, только что входилъ въ церковь, становился нѣмъ. Это тяжкое наказаніе довело его, наконецъ, до раскаянія. Въ самый праздникъ Вознесенія Господня, во время утрени при словахъ псалма: „Все языцы восплещитъ руками, воскликните Богу гласомъ радованія“ діаконъ, стоявшій въ алтарѣ, ощутилъ какой-то ужасъ, сталъ молиться—и языкъ его разрѣшился. Тогда тутъ же, въ соборѣ, при священникѣ и предъ всѣмъ народомъ онъ покаялся въ своемъ грѣхѣ и исповѣдалъ свое исцѣленіе..

Благословеніе Обители Преподобнаго Сергія.

„Троицкіе Листки“
выходятъ безсрочно. Цѣна
за 100 листковъ 70 к., съ
пересылкою 90 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
СЧЕТА.
№ 122.

Адресъ:

Сергіевъ посадъ, Московской
губ., въ Редакцію „Троицкихъ
Листковъ“.

Печатать дозволяется. Виѣанія. Октября 28 дня, 1902 года. Цензоръ,
Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.